

Уголовное судопроизводство

Тема номера:

К 20-летию УПК РФ

Уголовно-процессуальный закон

Расследование банкротств

Гость номера —

Николай Сергеевич Пономарев

**№ 3
2021**

ISSN 2072-4411

9 772072 441777 >

юрист
издательская группа

Уголовное судопроизводство

№ 3/2021

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ — Рег. ПИ № ФС77-29334 от 24 августа 2007 г.
Издается с 2005 г., 2 раза в полугодие

*Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.*

Учредитель:

Издательская группа «ЮРИСТ»

Председатель редакционного совета:

Колоколов Н.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Азаров В.А., д.ю.н., профессор,
Александров А.И., д.ю.н., профессор,
Воскобитова Л.А., д.ю.н., профессор,
Гирько С.И., д.ю.н., профессор,
Головкин Л.В., д.ю.н., профессор,
Гуров А.И., д.ю.н., профессор,
Каплина О.В., д.ю.н., профессор (Украина),
Ковтун Н.Н., д.ю.н., профессор,
Лазарева В.А., д.ю.н., профессор,
Москалькова Т.Н., д.ю.н., д.ф.н., профессор,
Османов Т.С., к.ю.н.,
Поляков М.П., д.ю.н., профессор,
Попов И.А., д.ю.н., профессор,
Сальников В.П., д.ю.н., профессор,
Сурков К.В., д.ю.н.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор,
член-корреспондент РАО,
заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:
Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:
Швечкова О.А., к.ю.н.

Редакция: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.
Тел./факс редакции: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции / издателя:
115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7

Центр редакционной подписки:
(495) 617-18-88 — многоканальный

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2
Тел. (4842) 70-03-37
Формат 170x252 мм.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 3,0. Усл. печ. л. 3,0.
Общий тираж 3000 экз.
ISSN 2072-4411
Цена свободная.

Подписка по России:

«Объединенный каталог.
Пресса России» — 88528

Номер подписан в печать: 06.09.2021.

Номер вышел в свет: 16.09.2021.

В НОМЕРЕ:

СТРАНИЧКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Колоколов Н.А. Уголовно-процессуальный
закон: феномен, который каждый толкует
по-своему 2

УПК РФ: КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Ильютченко Н.В. О реальных возможностях
УПК РФ 17

ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ковтун Н.Н. Латентная деконструкция
категории показания в уголовном
судопроизводстве России 22

РАССЛЕДОВАНИЕ БАНКРОТСТВ

Клещенко Ю.Г. К вопросу о расследовании
преступлений, связанных с неправомерными
действиями при банкротстве
(ст. 195–197 УК РФ) 28

ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Иванов Н.Г. Преюдициальность в УК РФ
в свете позиций Конституционного Суда РФ
(на примере ст. 116.1 УК РФ) 34

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Пономарев Н.С. Следственная деятельность —
важный элемент в государственном
механизме противодействия преступности 40

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного
разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.
Журнал включен в базу данных Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ).
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый толкует по-своему

Колоколов Никита Александрович,
заведующий кафедрой организации судебной
и прокурорско-следственной деятельности
Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова
доктор юридических наук
nikita_kolokolov@mail.ru

Близится 20-летие УПК РФ. Используя данное событие как повод, считаем возможным в серии статей поделиться с читателем некоторыми своими рассуждениями по поводу таких категорий, как «власть», «государство», «право», «уголовно-процессуальное право», «судопроизводство», «правосудие», «уголовно-процессуальный закон». В первой статье рассматриваются категории «государство» и «право», дается попытка дать определение понятию «уголовно-процессуальное право», приводится критическое прочтение взглядов на УПК РФ к пятилетию Кодекса.

Ключевые слова: УПК РФ, власть, государство, право, уголовно-процессуальное право, судопроизводство, правосудие.

Государство и право:

«подвижные в подвижном»

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (Федеральный закон № 177 — принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г., подписан Президентом РФ 18 декабря 2001 г., в основном введен в действие с 1 июля 2002 г., далее — УПК РФ, Кодекс) плавно приближается к своему двадцатилетнему юбилею. Два десятилетия — срок, конечно, не самый большой, однако достаточный, чтобы практики, а вместе с ними и все общество получили возможность оценить значимость этого, без всяких к тому преувеличений, одного из основных законов государства.

Как известно, все познается в сравнении, и УПК РФ исключением в данном правиле не является. Очевидно, что появление анализируемого Кодекса имеет свою предысторию. Ее корни теряются в глубине веков, ибо первые отечественные уголовно-процессуальные регламенты мы находим уже в договорах первых русских князей с Византией.

Оценку уголовно-процессуального законодательства усложняет то обстоятель-

ство, что уголовно-процессуальное право входит в систему таких феноменов, как «власть», «право», «государство», «суд», «правоохранительная и судебная деятельность», «судопроизводство» и «процесс» — каждый из которых сам по себе уже завершённое и самостоятельное целое. Совокупность (система) вышеперечисленных феноменов перманентно изменяется (трансформируется), что в очередной раз существенно усложняет их анализ и оценку. Сказанное означает, что феномены эти, в том числе уголовно-процессуальное право и уголовно-процессуальный закон, требуют постоянного, опять-таки системного переосмысления в контексте с конкретными историческими реалиями, социальными, политическими и экономическими условиями.

Российская государственность, о сути которой говорилось всегда, много и по-разному², в глобальной истории человечества появилась весьма поздно. К этому моменту успели появиться и кануть в Лету такие колыбели «европейских» правовых порядков (в том числе и уголовного процесса), как Древний Египет, Древняя Греция, Древний Рим, Византия. Особняком стоит

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев // Kremlin.ru. 2021. 12 июля.

восточная уголовно-процессуальная мысль Древней Индии и Древнего Китая, Персии и Месопотамии.

Народы всех этих территорий уже тогда имели определенные знания в сфере уголовного процесса, обладали и навыками уголовно-процессуального доказывания. Так, вместо современного полиграфа в Древнем мире использовали подручное средство — рис, которым заполнялся рот подозреваемого. Древние следователи уже успели усвоить, что волнение препятствует нормальному слюноотделению. В зависимости от того, смачивался рис слюной или нет, делался далеко идущий вывод о ложности или правдивости показаний допрашиваемого. Смочился рис слюной, следовательно, оснований волноваться у человека нет, он, скорее всего, правду говорит. Остался рис сухим — подозреваемый однозначно дает ложные показания.

Кто-то скажет: смачивание слюной риса не гарантирует правдивости показаний подозреваемого. Но, согласимся, полиграф — ведь тоже не более чем повод усомниться в достоверности сказанного испытуемым в рамках проведения психофизиологической экспертизы.

Пример с рисом нами приведен не для того, чтобы продемонстрировать «продвинутость» некоторых древних народов в технологиях процесса, в частности уголовно-процессуального доказывания, а для того, чтобы показать: уголовно-процессуальное право сначала Древней Руси, потом государства Московского, далее Российского формировалось не на пустом месте, рецепция правовых норм и с Востока, и с Запада была явлением естественным и закономерным. Иными словами, уголовный процесс современной России во все времена писался не с чистого листа. О том, как и в какие периоды рецепция зарубежного уголовно-процессуального права осуществлялась до XIX в., давно установлено и подробно освещено в юридической литературе. Поэтому анализ уголовно-процессуального законодательства мы позволим себе начать с века позапрошлого (эпохи индустриальной) в силу того, что именно тогда общественная мысль выработала такие категории, как «свобода», «равенство», «братство», появление которых автоматически привело

к стремительному переформатированию фактически всех отраслей права.

Именно тогда Иеремия (Джереми) Бентам (Jeremy Bentham, 1748–1832) — английский философ-моралист, социолог, правовед, крупнейший теоретик политического либерализма, родоначальник утилитаризма — разработал все базовые критерии организации правосудия. Изучение трудов великого мэтра «О судебных доказательствах»³, «О судеоустройстве»⁴, «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении: с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов»⁵ позволяет сделать вывод, что с тех пор в организации судопроизводства изменилось немного. Скажем больше: многие технологии сбора, анализа и оценки доказательств остались прежними.

Общеизвестно, что существование общества и генерируемого им государства без конфликтов невозможно, поскольку конфликт — движущая сила их развития. Следовательно, эффективность государства (социально-политической и правовой организации общества) в значительной мере зависит от выбора средств и методов урегулирования этих конфликтов. Одним из востребованных методов разрешения конфликтов на основе норм реального права, по крайней мере до последнего времени, являлся суд (в том числе уголовный), уникальный статус которого по различным причинам в российской юридической нау-

³ Бентам И. О судебных доказательствах: трактат Иеремии Бентама / по изд. Дюмона, пер. с фр. И. Горюновича. Киев : Типография М.П. Фрица, 1876. 421 с.

⁴ Бентам И. О судеоустройстве / по фр. изд. Дюмона изл. А. Книрим. СПб. : Типография Правительствующего сената, 1860. 222 с.

⁵ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении : с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов / изд. на фр. яз. Степ. Дюмоном ; пер. М. Михайловым. СПб. : Типография Шнора, 1805–1811.

ке до сих пор так и не стал предметом всестороннего и глубокого научного анализа⁶.

Общеизвестно также и то, что сущность таких категорий, как «право», «государство» и «суд», далеко не познана не только в российской, но и в мировой юридической науке. Неслучайно Рональд Дворкин (Ronald Dworkin) свое фундаментальное исследование «Империя права» (Law's Empire), изданное в прошлом веке (XX в.), начинается главой «Что есть право?» и завершает свое повествование эпилогом с таким же названием⁷. Все с тем же вопросом — «What is law?» («Что есть право?») — уже в XXI в. обращается к юридической общественности модный ныне автор — профессор Washington University in St. Louis — School of Law (Школы права Вашингтонского университета в Сент-Луисе) Brian Z. Tamanaha (Брайан Таманаха)⁸.

Здесь уместным будет подчеркнуть, что право естественное легко может быть подменено диктатом государства. Неслучайно судьи Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) К.В. Арановский и С.Д. Князев уже в наши дни, не подвергая сомнению эффективность суда в разрешении социальных конфликтов на основе норм права, сочли нужным продемонстрировать тревогу по поводу того, не помешает ли «законодательный напор» свободной эволюции права, в основе которой они видят судебную деятельность⁹. Таким образом, мы наблюдаем закономерный процесс противопоставления права государству — если точнее, то его стремлению «ужать» разнообразный по своему содержанию правотворческий процесс до «производства» неконтролируемого обществом объема нормативных актов парламентами и правительствами.

Не будем также забывать и о рассуждениях судьи Верховного суда США Бен-

джамина Кардозо, который вот ещё сто лет назад вынужден был признаться, что норм права для организации судебной деятельности недостаточно (ибо правовое поле *argiori* пробельно¹⁰), поэтому в поисках справедливости (*justice*) суды (судьи) вынуждены варить «странную смесь», элементами которой являются право и мораль¹¹.

Поэтому неслучайно многие современные исследователи констатируют: «Деятельность суда и по содержанию, и по форме не должна быть строго формализована» (иными словами, уголовный и уголовно-процессуальный законы вторичны), следовательно, напрашивается обратное: «Суд может эффективно функционировать только при условии, что обладает достаточно широкой свободой усмотрения»¹². Как в этой связи не вспомнить мысли другого известного правоведа, Герберта Харта, который прямо возлагал на суды обязанность поддержания морали при помощи права¹³.

В своих рассуждениях мы исходим из того, что суд — не только общепризнанный и эффективный способ разрешения социальных конфликтов, но еще и судебная система — элемент государственного аппарата со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом нельзя забывать, что государство (как, впрочем, и право) — историческая реальность, уникальные и в то же время вполне закономерно возникающие общественные отношения¹⁴, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человека разумного (*homo sapiens*) посредством только одному ему ведомых средств речи, знаков и символов мобилизовать свои ресурсы ради достижения целей, как predeterminedных на уровне простейших инстинктов, так и поставленных людьми осознанно, разрешать проблемы и напряжение в сфере управле-

⁶ См. об этом: Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М., 2010. 400 с.

⁷ Дворкин Р. Империя права. М., 2020. С. 17, 546.

⁸ Tamanaha B.Z. What is law? // Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper No. 15-01-01. Number of pages: 65 Posted: 09 Jan 2015 Last Revised: 16 Oct 2016.

⁹ Арановский К.В., Князев С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и различий. М., 2020. С. 237–240.

¹⁰ О проблеме см. подробнее: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 2019. 183 с.

¹¹ Кардозо Б. Природа судебской деятельности. М., 2017. С. 10–11.

¹² См., например: Солянка П.Б. Суд как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 3–5.

¹³ Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль (Law, Liberty and Morality). М., 2020. 136 с.

¹⁴ Атаманчук Г.В. Власть // Энциклопедия государственного управления в России: В 4 т. М., 2004. Т. I. С. 140–141.

ния¹⁵, а равно в наличии у общества права принимать решения и добиваться их обязательного исполнения¹⁶.

Исторический характер государства (как общества в целом, так и исповедуемой им разновидности права) предопределяет непрерывную модернизацию государственных институтов как в рамках рутинной, будничной, вялотекущей эволюции, так и стремительных, кардинальных революционных преобразований. Неслучайно мыслители современности толкуют государственность как некую мало предсказуемую «переменную»¹⁷, они совершенно обоснованно предлагают подходить к государству всего лишь как к следствию (эффекту) глубоких процессов по пространственной организации общества, его упорядочиванию¹⁸, речь идет об отношениях, которые создают видимость мира, его форму.

Здесь совсем нелишним будет напомнить, что далеко не все процессы, происходящие в социуме, мы в состоянии наблюдать (вовремя разглядеть) в режиме online, история учит, что с большинством из них человечество знакомится только post factum.

Мониторингу в online-режиме, как правило, доступна всего лишь внешняя составляющая государства, так называемое поверхностное государство (shallow state) — его официальная (парадная) правовая система + обычная иерархия — совокупность органов власти (президент, парламент, правительство, суды), т.е. представленная соответствующим образом многочисленная армия чиновников. В силу данного обстоятельства исследователи социально-правовой материи выделяют государство официальное; мы-то знаем, что зачастую это скорее декларация, чем искомая учеными реальность, так как еще у М.М. Сперанского (1772–1839) читаем, что «хартии не всегда суть истина»¹⁹.

В то же время Михаил Михайлович констатировал, что «нет государства, в коем бы не было своих основных законов (Constitutio), сей Уставы могут действовать и без письменных документов, ибо их положения могут быть начертаны в нравах и обычаях»²⁰.

Сказанное опять возвращает нас к категории права, про которую проф. В.В. Лазарев пишет, что «вне связи с государством оно неуловимо»²¹. Думается, что Валерий Васильевич в очередной раз прав, поскольку в основе и права, и государства лежит такая социальная категория, как «власть».

Власть — это присущее социальной природе человека необходимое условие функционирования всякой социальной общности²², а равно средство всеобщей связи (коммуникации²³) между людьми в их целедостижении, «символический посредник»²⁴, обеспечивающий выполнение взаимных обязательств. Фактически позитивно определенная власть — институционализация ожидания того, что в известных пределах требованиям общества будет уделено серьезное внимание²⁵. Можно также утверждать, что власть — это признанная определенной общностью людей парадигма поведения в конкретном месте и в конкретный исторический момент. В числе качеств власти неизменно присутствуют такие ее характеристики, как многоаспектность, сложность и системность.

В науке власть — это еще и проблема, а «также топологическая и полевая характеристика социальной системы, которая в свою очередь задается базисными социальными сценариями»²⁶. Сущностные качества власти характерны для любой местности, любой эпохи, любой человеческой общности.

²⁰ Там же.

²¹ Лазарев В.В. Поиск науки о праве и государстве (научно-публицистическое эссе) // Lex Russica (Русский закон). 2013. № 4. С. 345–352.

²² См.: Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 434.

²³ См.: Луман Н. Власть. М., 2001. С. 11.

²⁴ Там же. С. 10.

²⁵ См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 644.

²⁶ Розин В.М. Указ. соч. С. 123.

¹⁵ См.: Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления. М., 2004. С. 123.

¹⁶ См.: Смелзер Н. Социология. М., 1992. С. 525.

¹⁷ См.: Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее. М., 2019. С. 105.

¹⁸ Там же. С. 108–109.

¹⁹ Сперанский М.М. О законах. Избранные работы и письма. М., 2019. С. 28.

Если речь идет о публичной, а тем более государственной власти, то субъект и объект — зачастую многомиллионные общности. Ими генерируются властеуказания, ими же они и исполняются. Недаром Цицерон (106–43 до н.э.) на вопрос: «А у кого же она, власть?» — уверенно отвечал: «Potestas in populo!» («Власть у народа!»)

Да, источник власти следует искать в народе, но это не более чем вектор научного поиска. Как отмечалось выше, искусством тотального мониторинга социальных процессов человечество пока еще не овладело, так как нет у него соответствующего инструментария, следовательно власть — феномен, о составляющих элементах которого и имеющихся между ними связях ученые все еще только гадают.

В этой связи неслучайно наука вводит понятие «скрытое, глубинное государство» (dark state), о котором еще говорят «спрятано у всех на виду». Фактически речь идет о конгломерате как общепризнанных государственных институтов, так и о системах параллельных властных сетей, в число которых включают пребывающие вне реального контроля фасадных органов власти различные структуры, успешно конкурирующие с ними при принятии решений. Также неслучайно принято говорить: «Америке (США) выгодно то, что выгодно General Motors». В данном случае названная корпорация — не более чем повод всерьез задуматься по поводу сказанного капиталистом (одним из королей республики) из произведения М. Горького, который не сразу ответил на вопрос, а не мешает ли ему правительство; потом, догадавшись, капиталист констатировал: нет, те ребята из Вашингтона жить ему не мешают²⁷.

К числу «параллельных государству ветвей власти» в современном мире относят: спецслужбы, армию, организованную преступность и, как ни странно, судебную систему²⁸, легализующую концепции этих «параллельных ветвей власти». Иными словами, реальная власть в стране может принадлежать совсем (и даже далеко) не тем институтам, за которыми она теоретически закреплена по закону.

²⁷ Горький М. Один из королей республики // Собр. соч. в 30 т. Т. 7. М., 1950. 535 с.

²⁸ Джессоп Б. Указ. соч. С. 414–415.

Важно и существенно то, что политик, получивший право на управление, получает и право на модернизацию всей системы власти, ее ремонт, а то и замену. В данном случае политику требуются научные знания о закономерностях власти, в том числе и о власти судебной²⁹. Мир изменяется — меняется и конструкция власти³⁰.

Что такое

уголовно-процессуальное право?

Во-первых, уголовно-процессуальное право — частный случай правовых отношений вообще. Думается, что не будет ошибкой предположить, что уголовно-процессуальное право — одна из разновидностей права публичного. В подавляющем большинстве случаев участником уголовно-процессуальных отношений является государство в лице специально на то уполномоченных органов власти (органы предварительного расследования, прокуратура и суды). Помимо последних, участниками уголовно-процессуальных отношений выступают физические и юридические лица, общество в целом, его различные структуры (например, адвокатура, службы примирения).

Не будет ошибкой предположить, что уголовно-процессуальное право — метафизическая и историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие общественные отношения, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на такой социальной ценности, как уголовный и уголовно-процессуальный законы, посредством только одному ему ведомых средств, речи, символов и знаков мобилизовать социальные и государственные ресурсы для разрешения определенных категорий социальных конфликтов. Общество в лице государства закрепляет за собой функцию не только принимать решения в процессе разрешения таких конфликтов посредством применения уголовно-правовых норм, но и добиваться путем неукоснительного следования нормам уголовно-исправительного права обязательного их исполнения.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Там же.

Таким образом, уголовно-процессуальное право — это присущее социальной природе человека средство разрешения конфликтов, опасность которых регламентируется правом уголовным, а также необходимое условие функционирования высоко развитой социальной общности, обязательная конструкция всеобщей связи (коммуникации), возникающая между высокоорганизованными людьми. Уголовно-процессуальное право — символический посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на основе норм права уголовного.

Уголовно-процессуальное право — институализация ожидания обществом того, что конфликтам, отнесенным уголовным законом к категории преступлений, государством будет уделено достойное внимание. Уголовно-процессуальное право — это принятая определенной человеческой общностью парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов, отнесенных уголовным законом к категории преступлений. Уголовно-процессуальное право характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью.

Во-вторых, комплекс уголовно-процессуальных отношений возникает (складывается) в рамках конкретного народа, нации, политического (гражданского) общества, перечисленные социально-правовые категории одновременно и специфический объект, и специфический субъект, следовательно, уголовно-процессуальное право немислимо вне народа, нации, политического (гражданского), так как они сами — его источники.

Уголовно-процессуальное право не существует без права уголовного. Как известно, обязательными участниками уголовного права являются: правонарушитель — преступник (как правило, лицо физическое³¹); жертвы преступления — это как конкретные потерпевшие (физические и юридические лица), так и конкретные социальные группы, а то и общество в целом. Объекта-

ми преступного посягательства могут быть также государство, его органы и должностные лица, общественные отношения, складывающиеся в рамках функционирования государственного аппарата.

Суд (судебная система) — аппарат судебной власти, особые государственные учреждения (по сути своей, уникальная особая форма государственно-властных правоотношений организационно-структурного характера), специфическим образом катализирующие процесс государственного управления при разрешении социальных конфликтов, возникновение которых обусловлено преступлением. При разрешении конкретного социального конфликта суд — государственное учреждение — не только выступает носителем судебной власти, но и является субъектом процесса.

В-третьих, приказ субъекта, осуществляющего судебную власть, приговор — фактически воля народа в редукции органов государства — судов по отношению к объекту, т.е. к этому же народу, в обязательном порядке сопровождается угрозой применения санкции в случае неповиновения.

Угроза может быть выражена в самых различных формах. Особенность применения силы государством в данном случае заключается в том, что она исходит не только от государства (изнутри), а и от его аппарата, т.е. для общества как бы извне! При удачном ходе судебного разбирательства в обществе быстро вызывает уверенность в том, что установившийся характер судебно-властных правоотношений для него благо, поэтому необходимость во внешней силе отпадает или минимизируется.

В-четвертых, уголовно-процессуальное право — подчинение народа, отдельных личностей решению суда (приговору) — фактически господствующему в обществе мнению.

В-пятых, нормы уголовно-процессуального права — это константа, согласно которой отдающий приказы субъект — суд — имеет на это право, а объект — народ (как участники конкретного судебного разбирательства, так и общество в целом) — обязан подчиниться его приказам. Таким образом, уголовно-процессуальное право легитимизирует власть судебную, которая при этом

³¹ В некоторых правовых порядках к числу преступников могут быть отнесены и юридические лица.

распадается на совокупность рядовых правоотношений власти — подчинения уголовного и уголовно-процессуального характера.

Безусловно, уголовно-процессуальное право — ресурс, который необходим для осуществления определенных целенаправленных действий в рамках борьбы с преступностью. Конечно же, судебная власть в уголовном процессе в этом случае в умах людей предстает как мощь, сила, воля, в основе которых лежат почитаемые ими право, законы.

В организации уголовного судопроизводства используется все, что может быть конвертировано в следственную, прокурорскую и судебную власть — конечно же, и богатство, и влияние, и культура. При этом судебной властью как ресурсом народ обладает, он ее передает (делегирует) судам (судьям), которые по общему признанию выступают как носители судебной власти.

В то же время судебная власть в уголовном процессе — устойчивые человеческие отношения, поэтому она не находится в конкретном государственном аппарате. В самом обществе ничего не изменится, если мы лишь сменим название органов предварительного расследования, прокуроров и судов, провозгласим состязательность процесса или, наоборот, отменим ее, а равно призовем на службу новое поколение следователей, прокуроров, судей и адвокатов.

Судебная власть в уголовном процессе — не что иное, как функция. Власть суда в качестве функции не может быть присвоена одним лицом, отчуждена. Неперсонифицированная судебная власть в уголовном процессе — машина, механизм, основа их функционирования — уголовно-процессуальное право.

Судебно-властные отношения — форма творчества, таковая позволяет находить новые оригинальные конфигурации прежних ресурсов и функций. Надстраиваемая уголовно-процессуальным правом коммуникация порождает новый смысл жизни народа, гарантирует ему новую увязку целей и средств, выдвигает новые критерии и основания власти, и эффективность в целедостижении.

Современное уголовно-процессуальное право — регламент власти усмотрительной (discretionary power). Принято считать, что таковая ограничена юридическими нормами, существует только в процессуальной форме. Естественно, что судебское усмотрение в уголовном процессе должно быть мотивированным. Некоторыми считается, что судебское усмотрение в уголовном процессе ограничено лишь выбором варианта решения, а само оно — не более чем разновидность правоприменительной деятельности³².

Таким образом, феномен уголовно-процессуального права многогранен, для него, как и для права вообще (в первую очередь уголовного), характерны следующие аспекты.

Директивный, в соответствии с которым уголовно-процессуальное право воспринимается как база реального господства, имеющая материальную составляющую уже в силу того, что она является знанием целого народа, нации, ну и, естественно, участников конкретного процесса.

Технологический — уголовный процесс — совокупность социальных практик, позволяющих реализовать потенцию государственной власти в рамках разрешения конфликтных ситуаций.

Коммуникативный — нормы уголовно-процессуального права — своеобразный язык закона, понятный всем субъектам государственно-правового властеотношения.

Время от времени возникает вопрос: можно ли власть следователя, прокурора и суда в уголовном процессе рассматривать как разновидность власти политической?

Чтобы ответить на вышеозначенный вопрос, сначала следует определиться: является ли государственная власть политической. Известный теоретик в сфере государств и права проф. М.И. Байтин писал: термины «политическая власть» и «государственная власть» — синонимы. В своих рассуждениях он апеллирует к Карлу Марксу. Оказывается, последний в данном вопросе был весьма конкретен: в статье «Морализующая критика и критицизирующая

³² См. об этом: Папкина О.А. Усмотрение. М., 2005. С. 202–209.

мораль» он прямо отождествляет оба анализируемых нами понятия³³.

Сказанное позволяет нам прийти к однозначному выводу о том, что власть, осуществляемая следователем, прокурором и судом в рамках уголовного процесса, носит политический характер, в этой связи ей наравне с ними предстоит решать не только чисто правовые, но и политические проблемы.

Субъекты уголовного процесса со стороны государства обладают своей собственной структурой. В ее основе легитимность следствия, прокурора и суда, их авторитет в социуме. Следует отметить, что понятия «авторитет органов государства в уголовном процессе» в целом и «авторитет судебной власти»³⁴ в частности в российской юриспруденции разработаны весьма слабо.

Причина этого прозаична. В советский период развития общества внимания данным категориям уделялось немного, так как для исследователей в те годы не совсем была понятна природа как самого суда, так и осуществляемой им власти. Суд рассматривался в качестве составного элемента командно-административной машины, в авторитете которой до поры до времени никто особо и не сомневался. Поскольку авторитетом априори обладало целое — государство, то частное — советский суд — «было авторитетено само по себе»³⁵. Очевидно, что проблема авторитета органов государства, участвующих в уголовно-процессуальных отношениях, требует ини-

циативной постановки, новых подходов и теоретических разработок.

Общенациональный авторитет субъектов государства, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, обусловлен целым перечнем факторов. Вот наиболее значимые из них.

1. В основе этого авторитета лежит реальная подведомственность споров, разрешение которых входит в компетенцию перечисленных органов, чем шире перечень, тем выше их авторитет.

2. Об уровне авторитета следствия, прокуратуры и суда в уголовном процессе свидетельствуют частотные и количественные характеристики осуществляемых ими судебно-властных правоотношений. Чем чаще таковые вступают в данный вид отношений, тем увереннее можно судить об их авторитетности.

3. Авторитет органов предварительного расследования и суда обусловлен стабильностью судебно-правовой политики государства.

4. Источник уголовно-процессуальных отношений — общество, в нем они зарождаются, существуют и прекращаются. Для современного общества характерны уголовно-процессуальная демократия, власть большинства, признающего эффективность судебного разбирательства, над меньшинством, предпочитающим самосуд.

5. Уголовно-процессуальная партократия — власть организованных над неорганизованными, проявляется при лоббировании законодательства, регламентирующего вопросы строительства органов государственной власти, осуществляющих уголовно-процессуальные функции, а также в уголовном судопроизводстве.

Уголовно-процессуальная автократия — власть сильных, организованных в государство членов общества над слабыми, пытающимися пренебречь общими правилами поведения.

Ключевую роль в уголовном судопроизводстве играет следственная, прокурорская и судебная бюрократия — власть уполномоченных государством лиц над неуполномоченными ими участниками процесса. Для уголовно-процессуальной бюрократии (как и для иных ее видов) характерны следующие недостатки: 1) дела рассматрива-

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 297; Байтин М.И. Указ. соч. М., 2005. С. 434.

³⁴ Примечательно, что Конституция Франции 1958 г. различает «судебный авторитет» и «политическую власть». Авторы данного законодательного положения исходили из того, что власть всегда инновация — программное действие, поэтому законодательная власть и исполнительная власть сами определяют «повестку дня своей деятельности», в то время как авторитет таким качеством не обладает, ибо в юрисдикции суда находятся только те споры, которые отнесены к его подведомственности и за разрешением которых к нему обратились стороны.

³⁵ Мартынич Е.Г. Авторитет советского суда. Кишинев, 1991. С. 5.

ются только с позиций соответствующих чиновников; 2) последние не склонны брать на себя ответственность за принятые решения; 3) чиновники изощряются в изобретении способов обхода законов; 4) уголовные дела зачастую расследуются и рассматриваются в зависимости от вкуса «начальства»; 5) чиновник по своей природе подвержен коррупции.

В то же время уголовно-процессуальная власть в целом — категория неперсонифицированная, в отличие от исполнительной власти, роль уголовно-процессуальной бюрократии скромна.

Основным способом разрешения конфликтных ситуаций, возникновение которых обусловлено совершением преступления, является судебный³⁶, его обычно называют «правосудием»³⁷, или «судопроизводством»³⁸. Некоторые специалисты считают, что приведенные выше понятия далеко не равнозначны³⁹. Однако в данном конкретном случае

нас интересуют не какие-то отдельные (порой трудноуловимые) оттенки, свойственные каждому из перечисленных терминов (да и то в отдельные периоды развития русского языка)⁴⁰, а только обозначаемое с их помощью содержание государственно-правового явления — разрешение конфликтных ситуаций в обществе судом (или посредством суда)⁴¹. Уяснение данного явления, а фактически — феномена, который хотя в определенной мере и дан нам в чувственном опыте, но на самом деле раскрываем исключительно в ходе особого познания, необходимо начать с анализа его сущностных качеств.

Сущностные качества уголовного судопроизводства — это свойства, которые характерны для правосудия любой страны и любой эпохи, т.е. те качества, без которых суда как способа разрешения конфликтных ситуаций в обществе нет и быть не может, без которых правосудие мгновенно исчезает, ибо суд в силу ряда определенных объективных, а равно субъективных причин не в состоянии выполнить свою социальную роль. Сущностных характеристик уго-

³⁶ См. подробнее: Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 160–162.

³⁷ «Правосудие» — судить по правде, по закону, по совести (См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 380); «правосудие» — суд, судебная деятельность государства, юстиция, суждение, решение, основанное на законах и справедливости (См.: Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1985–1988. С. 355).

³⁸ «Судопроизводство» — законный и обычный порядок в судебных делах и обряд, судебное письмоводство и судоговорение (См.: Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 356); «судопроизводство» — деятельность судебных органов по разрешению в установленном законом порядке уголовных и гражданских дел (См.: Словарь русского языка. Т. 4. С. 302).

³⁹ Так, некоторые утверждают, что понятие «судопроизводство» гораздо шире понятия «правосудие», поскольку первое наряду с собственно правосудием (рассмотрением и разрешением дел судами) включает в себя и несудебную деятельность, например предварительное расследование. Другие «складывают» судопроизводство из собственно правосудия и судебной деятельности. Рассуждения подобного рода привели Е.В. Кладий к мысли о том, что конституционного правосудия не бывает в принципе, а существует только конституционное судопроизводство. См. подробнее: Кладий Е.В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9, 19.

⁴⁰ Термины «правосудие» и «судопроизводство» исконно русские, дословно на другие языки неперебиваемые. Проанализировав аналогичные термины, используемые, например, в немецком языке, заметим, что дословный перевод этих слов также будет несколько необычен: die Rechtsprechung — судопроизводство, судоговорение, юрисдикция (дословно правоговорение), отсюда и die Rechtsprechende Gewalt — судебная власть (дословно получается правоотвещающая власть), или die Rechtspflege — правосудие, осуществление правосудия судебными органами, осуществление права (дословно забота о праве).

⁴¹ Суд — производное от глаголов судить, понимать, мыслить и заключать, разбирать, соображать и делать вывод, доходить от данных к последствиям до самого конца, сравнивать, считать и решать, толковать, рассуждать, выслушивая мнения, советы убеждения (См.: Даль В. Указ. соч. Т. 4. С. 354); суд: 1) мнение, суждение, оценка; 2) государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел; 3) разбирательство дел таким органом; 4) общественный орган для разбирательства фактов недостойного поведения, а также разбирательство таких случаев (См.: Словарь русского языка. Указ. соч. Т. 4. С. 300).

ловного судопроизводства известно достаточно много.

Мы ограничимся упоминанием лишь тех из них, анализ которых от государства к государству, от эпохи к эпохе, от одной правовой системы к другой необходим для того, чтобы постигнуть таинство генезиса⁴² уголовного суда, а затем его эволюцию⁴³ в самостоятельную и независимую властную структуру, за проявлениями которой в материальном мире иногда (пусть и с трудом), но все же угадываются контуры такого ускользающего от непосредственного наблюдения социального явления, недоступного прямому наблюдению феномена, как судебная власть в уголовном процессе.

Для уголовного судопроизводства характерно разрешение социальных конфликтов, во-первых, специально на то уполномоченными органами государственной власти — судами (судьями, судебными составами⁴⁴), во-вторых, на основе норм права (как материального, так и процессуального)⁴⁵.

⁴² Генезис в широком смысле — момент зарождения и следующий за этим процесс развития, приведший к определенному состоянию, виду, явлению. См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 286.

⁴³ Для общества характерны два способа развития: революционный, когда качественные изменения происходят скачкообразно, и эволюционный, когда они в обществе накапливаются постепенно, порой веками. Для судебной власти характерен преимущественно эволюционный тип развития.

⁴⁴ Под термином «суд» понимается как судья (необязательно профессиональный), рассматривающий дело единолично, так и совокупность судей. Совокупность судей может быть простой, состоящей как из одних профессионалов (в России, например, судебная коллегия из трех человек, президиум, пленум суда), так и одновременно из профессиональных судей и судей из народа, к числу которых обычно относят народных заседателей (шеффенов). Совокупность судей может быть и сложно организованной, например суд, рассматривающий дело с участием присяжных заседателей. В этом случае последним вменяется в обязанность рассмотрение спора лишь по вопросам факта (доказанности), в то время как профессиональная составляющая суда компетентна только в применении норм права к решению, принятому присяжными.

⁴⁵ Утверждение о том, что разрешение социального конфликта происходит исключительно

Государство в лице органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (судьи) самостоятельно, публично⁴⁶, т.е. от имени народа, порой и *ex officio*, принимает в широком смысле этого слова общеобязательное решение в споре обратившихся к нему за помощью сторон, гарантирует им, а равно и всему обществу, его исполнение. Наличие публичного уголовного процесса экономически выгодно сторонам, поскольку в этом случае расходы по разрешению конфликта в значительной степени распределяются между всеми членами общества.

УПК РФ:

первые пять лет — о чем писали

В канун пятилетнего юбилея многие юридические вузы, юридические факультеты провели конференции, организаторы которых поставили своей целью обсудить итоги применения нового УПК РФ, результаты мониторинга его применения, соответствующую практику ЕСПЧ, КС РФ и Верховного Суда Российской Федерации. Например, в аннотации к «Материалам международной конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства применения (к 5-летию УПК РФ)»» читаем: «Шестнадцатого-семнадцатого ноября 2006 г. в МГЮА при поддержке Министерства юстиции США была проведена третья научно-практическая конференция, посвященная УПК РФ»⁴⁷.

Конференция была открыта Постоянным представителем Государственной думы РФ в КС РФ Е.Б. Мизулиной. Елена Бо-

на основе норм права, базируется в том числе и на тех ситуациях, когда нормы права формируются непосредственно в процессе судопроизводства. Прямой противоположностью судебной правоприменительной, судебной правоустановительной деятельности, с нашей точки зрения, является произвол, дискреционные полномочия отдельных руководителей.

⁴⁶ По мнению В.А. Рязановского, процесс, в отличие материального права, всегда публичен. См. подробнее: Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С. 15.

⁴⁷ Материалы международной конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства применения (к 5-летию УПК РФ)». М., 2007. С. 2.

рисовна, в частности, констатировала, что «начался самый сложный этап судебной реформы, связанный с пересмотром идеологии уголовного процесса»⁴⁸.

Проф. Е.Б. Мизулина отметила следующие, по ее мнению, достоинства УПК РФ:

— из числа задач уголовного судопроизводства исключена борьба с преступностью, теперь к задачам отнесена только защита прав⁴⁹;

— с принятием УПК РФ должно вырасти число оправдательных приговоров⁵⁰;

— суд перестал играть активную роль, судья осваивает роль посредника между сторонами⁵¹;

— в России повсеместно (исключение Чечня) действуют суды с участием присяжных заседателей⁵²;

— расширена подсудность уголовных дел, рассматриваемых судьей единолично⁵³;

— расширена подсудность мировой юстиции, удалось разгрузить суды районного звена⁵⁴;

— при разбирательстве дел публично и частно-публично обвинения появились стороны⁵⁵;

— изменились условия применения такой меры пресечения, как заключение под стражу⁵⁶;

— оправдало себя нововведение — возбуждение уголовного дела с санкции прокурора, уменьшилось число «заказных» дел⁵⁷;

— участники процесса получили бланки процессуальных документов⁵⁸.

Большинство обозначенных Еленой Борисовной «достижений» весьма сомнительны. Как, например, из числа задач уголов-

ного судопроизводства можно исключить борьбу с преступностью, свести деятельность системы правоохраны только к защите неких прав. Преступность — негативное социальное явление, которому противостоят все здоровые силы общества, государство, в том числе его правоохранительные и судебные органы, которые в процессе своего функционирования как раз и призваны защитить интересы общества в целом, конкретных участников процесса в частности.

Суждение Е.Б. Мизулиной о том, что с принятием УПК РФ вырастет число оправдательных приговоров, опровергнуто практикой. Да и рост количества оправдательных приговоров не может быть целью уголовного судопроизводства, так как каждый такой приговор — брак в работе системы обвинения. Работа данной системы заточена исключительно на недопустимость направления в суд дел, обвинение по которым не подкреплено достаточным объемом доказательств.

Сказанное не означает, что обвинения всем лицам предъявлено корректно, а в числе осужденных нет лиц, подлежащих оправданию, — судебная практика тому свидетельство. Проф. Е.Б. Мизулина отстаивала в своих рассуждениях необходимость некоего абстрактного увеличения числа оправдательных приговоров, в то же время она (и все ее сторонники) как могут уклоняются от ответа на вопрос: каков желательный процент оправданий?

С суждением критикуемого автора о том, что «суд перестал играть активную роль, а судья осваивает роль посредника между сторонами» тоже трудно согласиться, поскольку проф. Е.Б. Мизулина не спешит с ответом на вопрос, что делать суду, если стороны пассивны, не желают видеть очевидного.

В 90-е годы прошлого века очень многие наивно уповали на то, что суды с участием присяжных заседателей изменят идеологию процесса так же быстро, как это произошло в середине века позапрошлого. Итог известен: присяжным заседателям вверяют свою судьбу буквально единицы обвиняемых. Таким образом, данный институт, даже несмотря на то, что его «опустили» в районное звено, в судебной системе — не более чем вишенка на торте.

⁴⁸ Мизулина Е.Б. К пятилетию Уголовно-процессуального кодекса РФ // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства применения (к 5-летию УПК РФ)». М., 2007. С. 3–16.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

Проф. Е.Б. Мизулина с удовлетворением отмечала, что основная масса уголовных дел теперь разрешается судьей единолично, однако на вопрос о том, что в данном нововведении кроме экономии государственных средств значимо, ею раскрыт не был. Также данный автор до сих пор не спешит с пояснением того, в чем, кроме все той же экономии, заключается новизна расширения подсудности мировым судьям.

Да, Елена Борисовна, при разбирательстве дел публичного и частично-публичного обвинения появились стороны, вот если бы они еще и эффективно работали, то судьи сказали бы им спасибо.

Права проф. Е.Б. Мизулина в том, что изменилась процедура заключения под стражу, однако привело ли это к усилению гарантий участников процесса — вопрос, также оставленный без ответа.

Уменьшилось число заказных дел? Думается, что Президент РФ Д.А. Медведев не без оснований, пусть и в шуточной форме, позволил себе заявление: «По наущению конкурентов посадят предпринимателя в зиндан, чтобы потом за бабки выпустить».

Такое достижение авторов УПК РФ, как включение в него бланков процессуальных документов, думается, в пояснениях не нуждается. Неслучайно глава 67 УПК РФ «Перечень бланков процессуальных документов» утратила силу менее чем через год после выступления Е.Б. Мизулиной — 5 июня 2007 г.

Что касается рассуждений Елены Борисовны, возражавшей против возрождения института дополнительного расследования лишь потому, что он «имеет только одну цель — любой ценой добиться обвинения», то это совершенно не так. Основная цель дополнительного расследования — не позволить «вбросить на помойку» уголовное дело исключительно по формальным, легко устранимым основаниям.

Были ли в чем-то правы и удачливы разработчики УПК РФ, а их последователи от их достижений отказались? Конечно же, да — например, весьма эффективен был полный запрет на «поворот к худшему» в надзоре (ныне это кассация), наши наблюдения таковы: слишком уже много в таких поворотах труднообъяснимой дискреции конкретных должностных лиц.

Права проф. Е.Б. Мизулина в том, что «органы следствия и прокуратура не воспринимают потерпевшего как своего единомышленника».

Автор этих строк выступал на указанной конференции по теме «УПК РФ — плохо сбалансированная система в чужеродной среде». Одна из организаторов конференции — проф. Полина Абрамовна Лупинская, 100-летний юбилей которой мы отмечаем в текущем году, — наше название отвергла, поэтому тезисы выступления были опубликованы под заголовком «Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК?»⁵⁹.

Чтобы первоначальное название работы не потерялось, пришлось ее вариант опубликовать в журнале «Уголовное судопроизводство»⁶⁰. Поскольку наше отношение к УПК РФ не изменилось, позволим себе несколько пространных цитат из той статьи.

«Система — совокупность взаимосвязанных элементов, образующих определенную целостность. УПК — единая система процессуальных институтов, норм и правил. Основными показателями качества уголовного судопроизводства сегодня являются: его соответствие мировым стандартам, правосознанию общества. Непосредственно общество, а равно свойственные ему социально-политические и государственные институты — среда, в которой предстоит действовать УПК. Удалось ли законодателю в 2001 г. решить поставленную перед ним задачу: создать действительно новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК? Соответствуют ли содержащиеся в нем нормы и правила правосознанию российско-

⁵⁹ Колоколов Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК? // Материалы международной конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства применения (к 5-летию УПК РФ)». М., 2007. С. 49–52.

⁶⁰ Колоколов Н.А. УПК РФ — плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 1–2.

го общества, в первую очередь запросам правоприменителя?»⁶¹.

Ниже значилось следующее: «УПК РФ оценивают по-разному. Автору, посвятившему четверть века уголовному судопроизводству, очевидно одно: принципиальных изменений в отечественном уголовном процессе пока не произошло! Как и в период сталинизма, насилие — «повивальная бабка» уголовно-процессуального доказывания, а судебное разбирательство — фарс, ибо «сказанное следователю дороже произнесенного в суде». В России по-прежнему нет сторон, так как за результаты рассмотрения уголовного дела перед обществом отвечает только суд»⁶².

Еще ниже нами высказывалось сожаление об отсутствии в уголовном судопроизводстве института апелляции, что подталкивало вышестоящие суды к руководству первой инстанции. Об этом, в частности, было сказано так: отсутствует самостоятельность суда первой инстанции, «поскольку им, как и раньше, руководит вышестоящий суд, который, согласно сохранившейся с прежних времен концепции, не исследуя доказательств, вправе навязать первой инстанции свой подход к оценке доказательств»⁶³.

Далее шло сетование на отсутствие «совокупности процессуальных гарантий, которой так хвастались авторы УПК РФ»⁶⁴. Высказывалось суждение, что «они, как и прежде при «социализме», ширма, за которую уже научился прятаться российский правоприменитель образца XXI в.»⁶⁵.

Наша оценка: «Почему это произошло? Причин множество. В рамках системного анализа все они легко узнаваемы. Вот наиболее существенные из них. Чтобы УПК работал, он должен соответствовать социально-политическим условиям, которые в значительной степени предвосхищают взаимоотношение общества (в лице государства) с преступником. Истории известны два варианта таких отношений. Первый: преступник — враг! Любое взаимодействие с ним (в том числе и выгодное для

потерпевшего) недопустимо. У преступника есть только одно право — каяться. А уж казнить его или миловать, право общества, государства, суда. Второй вариант: преступник — сторона в правоотношении, с которой желательны любые взаимовыгодные связи»⁶⁶.

Было высказано суждение: «Лучшие мировые стандарты уголовного судопроизводства свойственны демократическим обществам. Они давно согласились на сотрудничество с преступником, пошли по пути формирования неформального состязательного уголовного процесса, в результате чего смогли минимизировать конфронтацию в уголовном судопроизводстве между сторонами и, как следствие этого, резко удешевить его. В данном случае объем ограничения прав и свобод личности, привлекаемой к уголовной ответственности, в значительной степени предопределен прежде всего поведением стороны защиты»⁶⁷.

Еще одно суждение: «Там, где «чисто-сердечное признание, — прямая дорога в тюрьму», стороне обвинения, как и раньше, приходится тратить народные деньги на доказывание очевидного. Наше общество (а вместе с ним и ученый мир, и законодатель), провозгласив состязательность в качестве основополагающего принципа уголовного процесса, лукаво не сочло нужным наполнить его необходимым содержанием, а именно: по-настоящему заинтересовать сторону защиты в сотрудничестве со стороной обвинения»⁶⁸.

Одновременно было сделано такое критическое высказывание: «Препятствует сотрудничеству сторон, а следовательно, и гармонизации процесса обязанность следователя вменить лицу в вину тот объем преступных действий, который будет не менее установленного спустя продолжительный период времени в суде! Результат наличия в УПК РФ данной базовой конструкции плачевен! Следователи вынуждены либо завышать объем обвинения, либо уходить от его конкретизации. И после этого сторона обвинения рассчитывает, что обвиняемый (подсудимый) облегчит ей работу,

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

пойдет с ней на сотрудничество, признает вину полностью? Рожденный на пустом месте спор загромождаст все дальнейшее разбирательство»⁶⁹.

Не устарела, на наш взгляд, и такая позиция: «А достижима ли истинная состязательность в уголовном процессе, в котором возбуждение уголовного дела и предварительное расследование выведены из компетенции суда? Особенно если учесть, что право называть информацию доказательством отдано офицерам в погонах, ведомых в бой с преступностью генералами! Там, где война, — свои законы. Как свидетельствует обширная судебная практика, фальсификация доказательств по уголовным делам в значительной степени обусловлена пребыванием следователя в подчинении у структур, должностью отвечающих за раскрытие конкретного преступления. «Клеймо качества» на доказательственную информацию вправе ставить только суд, ибо только эта инстанция по-настоящему защищена от произвола отдельной личности»⁷⁰.

Не разрешена в законе и такая коллизия: «А каким образом содержащийся под стражей человек, не имеющий к тому же доступа к добросовестному адвокату, в те-

чение многих месяцев (а то и лет) может состязаться со следователем, за которым сосредоточена вся мощь государства?»⁷¹.

Вот какими были наши итоговые выводы пятнадцатилетней давности. Первый: «УПК РФ — неудачный компромисс между желанием достичь в уголовном судопроизводстве мировых стандартов и нежеланием общества, а вместе с ним авторов УПК РФ кардинально решать проблемы уголовного процесса: обеспечить необходимые условия для формирования истинной состязательности сторон, гарантировать независимость суда первой инстанции, предусмотреть действенные механизмы исправления следственных и судебных ошибок»⁷².

Второй: «Нетрудно заметить, что УПК РФ по юридико-техническому качеству существенно уступает УУС 1864 г. — системе куда более гармоничной и более адекватной как требованиям времени, так и правосознанию граждан Российской империи».

Третий: «Отсутствие достаточного количества подготовленных специалистов, которых можно было бы наделить процессуальной самостоятельностью классических следователей»⁷³.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

Литература

1. Арановский К.В. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и различий : монография / К.В. Арановский, С.Д. Князев. Москва : Проспект, 2020. 352 с.
2. Атаманчук Г.В. Власть / Г.В. Атаманчук // Энциклопедия государственного управления в России : В 4 томах. Москва, 2004. Т. I. С. 140–141.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Право и государство, 2005. 554 с.
4. Бентам И. О судебных доказательствах: трактат Иеремии Бентама / И. Бентам ; по изд. Дюмона, пер. с фр. И. Гороновича. Киев : Типография М.П. Фрица, 1876. 421 с.
5. Бентам И. О судостроительстве / И. Бентам; по фр. изд. Дюмона изд. А. Книрим. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего сената, 1860. 222 с.
6. Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении : с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов / И. Бентам; изд. на фр. яз. Степ. Дюмоном ; пер. М. Михайловым. Санкт-Петербург : Типография Шнора, 1805–1811.
7. Горький М. Один из королей республики / М. Горький // Собр. соч. в 30 т. Т. 7. Москва, 1950. 535 с.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3/ В. Даль. Москва, 1994. С. 380; Т. 4. С. 354, 356.
9. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; перевод с английского С. Моисеева ; под научной редакцией С. Коваль и А. Павлова. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020. 587 с.

10. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее / Б. Джессоп ; перевод с английского С. Моисеева ; под научной редакцией Д. Карасева. Москва : ИД Дело, 2019. 500 с.
11. Кардозо Б.Н. Природа судебной деятельности / Б.Н. Кардозо ; перевод с английского Saveliev, Batanov & Partners. Москва : Статут, 2017. 110 с.
12. Кладий Е.В. Судебная власть в системе государственной власти Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Кладий. Москва, 2002. С. 9, 19.
13. Колоколов Н.А. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности / Н.А. Колоколов. Москва : Юрист, 2010. 400 с.
14. Колоколов Н.А. Удалось ли законодателю создать новый, гармоничный в юридико-техническом отношении УПК? / Н.А. Колоколов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 16–17 ноября 2006 г.) : сборник научных статей / редакторы И.М. Мацкевич, Л.Н. Масленникова, П.А. Лупинская. Москва : МГЮА, 2007. С. 49–52.
15. Колоколов Н.А. УПК РФ — плохо сбалансированная система в чужеродной среде // Уголовное судопроизводство. 2007. № 1. С. 1–2.
16. Лазарев В.В. Поиск науки о праве и государстве (научно-публицистическое эссе) / В.В. Лазарев // Lex Russica (Русский закон). 2013. № 4. С. 345–352.
17. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения : монография / В.В. Лазарев. Репр. изд. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. 183 с.
18. Луман Н. Власть / Н. Луман ; перевод с немецкого А. Антоновской. Москва : Праксис, 2001. 249 с.
19. Маркс К. Сочинения в 39 томах. Т. 4 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва, 1955. С. 297.
20. Мартынич Е.Г. Авторитет советского суда / Е.Г. Мартынич. Кишинев, 1991. С. 5.
21. Мизулина Е.Б. К пятилетию Уголовно-процессуального кодекса РФ / Е.Б. Мизулина // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 16–17 ноября 2006 г.) : сборник научных статей / редакторы И.М. Мацкевич, Л.Н. Масленникова, П.А. Лупинская. Москва : МГЮА, 2007. С. 3–16.
22. Папкова О.А. Усмотрение / О.А. Папкова. Москва, 2005. С. 202–209.
23. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. Москва, 2002. С. 644.
24. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев / В.В. Путин // Kremlin.ru. 2021. 12 июля.
25. Розин В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. Москва, 2004. С. 123.
26. Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. Москва, 1999. С. 160–162.
27. Рязановский В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. Москва, 1996. С. 15.
28. Словарь русского языка: в 4 т. Москва, 1985–1988. Т. 3. С. 355; Т. 4. С. 300–302, 356.
29. Смелзер Н. Социология / Н. Смелзер. Москва, 1992. С. 525.
30. Советский энциклопедический словарь. Москва, 1985. С. 286.
31. Солянка П.Б. Суд как субъект права : автореферат диссертации кандидата юридических наук / П.Б. Солянка. М., 2021. С. 3–5.
32. Сперанский М.М. О законах. Избранные работы и письма / М.М. Сперанский. Москва : Юрайт, 2019. 206 с.
33. Харт Г.Л.А. Право, свобода и мораль / Г.Л.А. Харт ; перевод с английского С. Моисеева. Москва : Издательство Института Гайдара, 2020. 136 с.

References

1. Tamanaha B.Z. What is law? / B.Z. Tamanaha // Washington University in St. Louis Legal Studies Research Paper No. 15-01-01. Number of pages: 65 Posted: 09 Jan 2015 Last Revised: 16 Oct 2016.

Читайте наши журналы в открытом доступе!

Уважаемые читатели!

Редакции Издательской группы «Юрист» важно расширение интереса к нашим журналам и увеличение объема глобального обмена знаниями и практическим опытом — с этой целью мы открываем бесплатный доступ к научным статьям, опубликованным в ряде наших изданий за 2020 год.

Для ознакомления с полными текстами научных трудов Вам необходимо перейти по ссылке: <http://lawinfo.ru/catalog/contents-2020/> — и выбрать интересующий Вас журнал.

О реальных возможностях УПК РФ

Ильютченко Наталия Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ)
кандидат юридических наук, доцент
stopkina_natal@mail.ru

В статье рассматриваются перспективы развития уголовно-процессуального законодательства, подчеркивается значение научной экспертизы законопроектов. Показано, что УПК РФ был и остается мишенью для критики. Оцениваются возможности модернизации УПК РФ с учетом достижений квантовой физики. Автор подчеркивает необходимость взвешенного подхода к механическому перенесению законов квантовой физики в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, да и к оценке многочисленных предложений по совершенствованию УПК РФ. Такое совершенствование должно быть не иллюзорным, опираться на реальные возможности УПК РФ.

Ключевые слова: источники уголовно-процессуального права, уголовно-процессуальный закон, законодательная техника, уголовный процесс, уголовно-процессуальный кодекс, уголовный кодекс, научная экспертиза.

УПК РФ в фокусе критики

С приближением 20-летнего юбилея Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) становится очевидным, что «новый» кодекс стал уже далеко не новым и достаточно продолжительное время регулирует уголовно-процессуальные отношения в нашей стране. А круглая дата только усилит внимание к основному кодифицированному источнику уголовно-процессуального права. Так и происходит. На страницах научных журналов уже появились и еще появятся публикации, центральной темой которых являются критический анализ закона и предложения по его совершенствованию. УПК РФ образца 2021 г. разительно отличается от кодекса, принятого в декабре 2001-го.

По мнению Л.Г. Коноваловой, юридическая наука изобилует критическими оценками действующего законодательства. Основные нарекания можно свести к двум группам замечаний — к отсутствию справедливости содержания многих законов и к несоблюдению требований юридической техники². В полной мере это относится и к уголовно-процессуальному законодательству в целом, а также

к УПК РФ в частности. Сюда же можно добавить фактическую нестабильность УПК РФ, сотни изменений и поправок были приняты за этот двадцатилетний период. Многие авторы отмечают их непоследовательность и хаотичность, отсутствие ясного вектора развития отечественного уголовного процесса.

Л.В. Головкин называет это явление «эффектом размывания» в противоположность обратному и ожидаемому при кодификации «эффекту кристаллизации». Он подчеркивает, что «для теории кодификации такого рода «эффект» — это нонсенс, ставящий под сомнение саму кодификацию, которой как будто и не было, т.е. которая выглядит больше номинальной, нежели реальной»³.

С.Б. Россинский полагает: «Уголовно-процессуальный кодекс РФ явно перегружен положениями сугубо технического характера, не имеющими никакого «высокого» предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями эффективности или доброкачественности получаемых результатов»⁴.

³ Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России. 2021. № 6. С. 4.

⁴ Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. 2021. № 6. С. 42.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

² Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 10. С. 69.

По мнению А.В. Победкина, УПК РФ зыбок, эклектичен, дискретен, труден для понимания и применения. Правоприменитель знает, что УПК РФ надо соблюдать, однако уже плохо в это верит. Вслед за растерявшимися должностными лицами, отвечающими за качество уголовного судопроизводства, веру в возможности УПК РФ теряет и население⁵.

Такая девальвация закона, на наш взгляд, приводит к усилению регулирующего влияния судебной практики. Особенно ярко это проявилось в период пандемии COVID-19⁶. При изучении научной литературы мне не встретилось ни одной работы, автор которой был бы полностью доволен УПК РФ.

Тенденция постоянной критики законодательства не является чисто российской прерогативой и традицией. Известный американский профессор У. Пицци иронично сравнивает уголовное судопроизводство США с американским футболом. Убежденность в том, что достичь совершенства процесса можно и нужно, если только тратить на решение достаточно времени и внимания, все еще остается преобладающей позицией в США. И в нашей правовой системе, и в американском футболе в целях совершенствования всегда предпринимаются попытки добавить новые нормы и процедуры⁷.

Таким образом, УПК РФ был и остается мишенью для критики, в этом нет ничего нового и необычного. На наш взгляд, можно выделить два вида критики: «критика констатирующая» и «критика предлагающая». Отличие второго варианта в том, что автор не ограничивается описанием несовершенств закона, а предлагает конкретные способы устранения обнаруженных недостатков. Конечно, именно второй вариант представляет собой конструктивную, полезную критику, но по-

рой следующие за ней предложения по совершенствованию закона представляются нереалистичными и превышающими возможности кодекса как такового.

Возможна ли «квантовая» модернизация УПК РФ?

В последнее время все чаще делается акцент на междисциплинарном подходе к развитию уголовно-процессуального законодательства. Чаще всего речь идет о смежных общественных науках социологии, политологии, истории⁸. Однако появились и работы, в которых юристам советуют обратить внимание на достижения естественных наук, таких как квантовая физика и нейронауки (науки о мозге)⁹. Издавна естественные науки считались образцом научности в силу точности, доказательности и экспериментальной верифицируемости.

Лазарев В.В.¹⁰ считает, что у физиков и тех, кто использует квантовую теорию, юристы могут позаимствовать, во-первых, тезис о принципиальной невозможности в достижении истины (хотя бы и относительной) отделить исследователя от объекта исследования и, во-вторых, общий принцип дополненности, который с легкой руки Н. Бора формулируют следующим образом: «Рациональная сторона действительности и ее познание, как и сопряженная ей иррациональная сторона действительности и ее познание дополнительны друг другу».

Например, Ю.А. Цветков¹¹ сетует на то, что юридическая техника уголовного и уго-

⁵ Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101.

⁶ Подробнее об этом см.: Ильютченко Н.В. Трансформация источников уголовно-процессуального права в период пандемии // Вестник Экономической безопасности. 2021. № 2. С. 159–162.

⁷ Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее / пер. Д.А. Печегина; под ред. М.А. Кудратова. М., 2019. С. 11.

⁸ См., например: Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.

⁹ См., например: Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37.

¹⁰ Лазарев В.В. Проблема пробелов в праве в свете постклассической философии // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика: мат. VI Междунар. науч. конф. теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / отв. ред. Н.Н. Черногор. М., 2021. С. 67.

¹¹ Цветков Ю.А. Квантовая логика и юридическая техника уголовного и уголовно-процессуального закона // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 18–29.

ловно-процессуального закона совершенно не учитывает достижения квантовой физики. Автор добросовестно приводит основополагающие постулаты «фундамента мироздания» с позиций этой науки, к ним он относит: закон суперпозиции, коллапс волновой функции, особую роль наблюдателя, принцип неопределенности, принцип дополнительности, нелокальность и квантовую сцепленность. Это никаких возражений не вызывает, действительно, есть такая наука, в которой имеются свои теории и законы. Надо отметить, что после изучения текста статьи становится понятно, что не только уголовное право и уголовный процесс, но и вся современная юриспруденция не совсем вписываются в предлагаемую картину квантового мира.

Фактически Ю.А. Цветков провозглашает «процессуальный агностицизм», т.е. объективную непознаваемость материальной истины. Вот утверждение автора: «В квантовом мире установить одновременно все признаки состава преступления невозможно»¹². Каждый раз наблюдатель оказывает свое влияние на объект изучения, меняя его. Ю.А. Цветков приводит примеры из следственной практики, выделяя в этой связи роль эксперта. По его мнению, истина недостижима ввиду многомерности и неоднозначности физического мира.

Недоволен автор и бинарной логикой уголовно-процессуального закона, когда, например, надо выбирать одно из двух, допустим, виновен/невиновен. По этому поводу отмечу, что такая бинарная логика абсолютно оправдана и задается материальным уголовным правом. В том случае, если мы будем применять квантовую логику к уголовному праву, как это будет выглядеть на деле? Ведь наказываются определенные деяния, запрещенные уголовным законом. Допустим, гражданин N привлекается к уголовной ответственности за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации¹³, далее — УК РФ). С точки зрения классической физики и уголовного права все понятно, а с точки зрения квантовой получается, что он одновременно и склонял, и не склонял к упо-

реблению названных веществ. Как и известный кот Шредингера одновременно в одном мире жив, а в другом мертв. Вообще, возникают сомнения в справедливости уголовной ответственности в таком случае. Не могу поддержать следующий вывод автора: «Невозможность принятия единственно верного законного решения является в ряде уголовных дел следствием не дефектов расследования, а несовершенства законодательной техники УК РФ и УПК РФ ввиду того, что в ее основе неполная и неточная картина мира».

Как здесь не вспомнить гениального У. Пицци с его яркими аналогиями — получается, что в проигрыше футбольной команды виноваты правила, а не футболисты. Не будем забывать, что законодательная техника призвана облегчить применение закона, а если мы воспользуемся достижениями квантовой механики, по совету Ю.А. Цветкова, то закон, наоборот, станет более запутанным. Да и реально ли это в настоящее время — так преобразовать уголовно-процессуальный кодекс? Думаю, предлагаемая модернизация УПК РФ невозможна и сейчас не нужна. Есть более посильные и насущные задачи. Например, Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ) не так давно принял Постановление от 17 июня 2021 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова»¹⁴, где указал законодателю на необходимость внести в действующее правовое регулирование изменения в части обжалования в апелляционном порядке решения суда об отказе в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении ее на более мягкую (п. 5). Такие «рутинные» задачи надо решать законодателю в первую очередь. Спуститься с «квантовых» небес на грешную землю.

Не получим ли мы в связи с увлечением квантовой механикой как потенциальным инструментом юридической техники в уголовном праве и уголовном процессе такой же резуль-

¹² Там же. С. 22.

¹³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление от 17 июня 2021 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Филиппова» // СПС «КонсультантПлюс».

тат, как уже существует в отношении нейронаук? С.В. Полубинская¹⁵ отмечает, что в этой связи в зарубежной литературе были высказаны мнения о необходимости пересмотра традиционных доктринальных представлений о вине и основаниях уголовной ответственности и о реформировании защиты со ссылкой на неумяняемость. Она же в своей статье приводит полярные позиции зарубежных ученых¹⁶.

Одним из представителей крайней позиции в этих дискуссиях выступает профессор права П.А. Алсес, утверждающий, что «мы есть не что иное, как наш мозг», и считать человеческое поведение порицаемым в смысле уголовного права равнозначно обвинению своего автомобиля в том, что в какое-то утро он не заводится (и, как следствие, наказать его отправкой в гараж «на неделю (или год) или две»). И потому нельзя говорить о моральной виновности (*moral blame*) и, соответственно, об уголовной ответственности, если не существует поведения человека в том понимании «житейской психологии» (*folk psychology*), которое лежит в основе существующего уголовного права.

Более распространена другая точка зрения, ее выражает С. Морс. Он пишет: «Все критерии уголовной ответственности являются нормативными. Смысл рациональности и то, насколько рациональная способность должна присутствовать для ответственности, например, — это юридические вопросы, решать которые должно право. Другие дисциплины могут предоставить потенциально значимые знания о поведенческих способностях человека, но другие, эмпирические дисциплины должны хранить молчание об окончательных критериях, которые устанавливает право». Мы видим, что пока общество не готово отказаться от традиционного правового регулирования уголовной ответственности, несмотря на прогресс нейронаук. На наш взгляд, подобным образом надо действовать и в случае с квантовой механикой.

Заслуживает внимания мнение Н.А. Колоколова о том, что человеческая природа неизменна, практически не меняется физиология человека, да и его мозг — орган, предназначенный в первую очередь для обеспечения физиологических потребностей человека в рамках межвидовой и внутривидовой конкурентной борьбы. Отсутствие

изменений в базе (природе человека) предопределяет и утопичность возможности кардинальных изменений в его поведении. В то же время общество без патологии — такая же утопия, как и рай на земле. Совершенные кодексы, над содержанием которых неустанно трудятся законодатели, — очередная несбыточная мечта¹⁷. Это не означает, что бесполезно совершенствовать кодекс, но надо понимать и учитывать, что возможности такого улучшения и обновления ограничены. Необходимы взвешенный рационализм и скептицизм, избавление от напрасных ожиданий идеального и безупречного закона.

Желательные направления развития уголовно-процессуального законодательства

В научной литературе предлагается большое количество различных вариантов совершенствования уголовно-процессуального законодательства. Остановлюсь несколько подробнее на самых актуальных из них, по нашему мнению.

1. Необходимость независимой научной экспертизы законопроектов. Для того чтобы избавиться от эффекта размывания, наиболее значимые поправки должны обсуждаться на конференциях и в научной литературе. Здесь очень важен именно не формальный момент — формирование комиссии экспертов для получения заключения, — а желательны полемика, представление альтернативных мнений. Пусть автор законодательной инициативы докажет научному сообществу ее нужность. Иногда пояснительные записки к законопроектам выглядят весьма неубедительными. Отметим, что, КС РФ еще в 2016 г.¹⁸ обратил внимание на структурные дефекты нормотворчества, отнеся к ним: пробельность регулирования, неопре-

¹⁵ Полубинская С.В. Указ. соч. С. 27.

¹⁶ Там же. С. 27–28.

¹⁷ Колоколов Н.А. Восполнение пробелов в праве: роль и место суда // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : мат. VI Междунар. науч. конф. теоретиков права «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, 20–21 февраля 2020 г.) / отв. ред. Н.Н. Черногор. М., 2021. С. 240.

¹⁸ Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

деленность регулирования; несогласованность регулирования. Разъяснив подробно каждый из названных дефектов, КС РФ подчеркнул, что особую важность приобретает проведение при создании новых норм, а также при законодательном уточнении содержания действующего регулирования высокопрофессиональной правовой и специализированной экспертизы, позволяющей повысить качество принимаемых Федеральным Собранием Российской Федерации законов и тем самым существенно сократить нежелательные — и с точки зрения защиты конституционных прав, и с точки зрения поддержания на должном уровне авторитета парламента — ситуации, требующие вмешательства конституционного правосудия. При совершенствовании уголовно-процессуального законодательства важно учитывать позиции КС РФ.

2. Очень важна системность изменений. По-прежнему надо сосредоточить внимание на устранении внешней несогласованности УПК РФ с другими кодексами и законами. Например, есть такая несогласованность с Налоговым кодексом Российской Федерации в части возможности взыскания безнадежного долга, когда лицо скрывается от следствия.

Выводы

1. УПК РФ был и остается мишенью для критики, в этом нет ничего нового и необычного. Критический анализ УПК РФ необходим и полезен, он почти всегда ведет к предложениям по его усовершенствованию. Только такие предложения должны быть согласованы с реальными возможностями кодекса.

2. Нет никаких возражений против привлечения междисциплинарного подхода для оптимизации уголовного процессуального закона, но необходимо оценивать возможность использования достижений естественных наук с учетом реальной ситуации в обществе. Считаю в этой связи «квантовую» модернизацию УПК РФ научной экзотикой, которая не может быть сегодня воплощена в жизнь.

3. Законодатель должен решать рутинные задачи по восполнению пробелов в УПК РФ и обращать внимание на позиции КС РФ и согласованность с другими законами. Системный подход к изменению закона могут существенно облегчить серьезная научная экспертиза законопроектов, принятие доктрин развития уголовно-процессуального законодательства. Возможно также проведение обсуждений дискуссион по наиболее значимым законопроектам.

Литература

1. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство как социальная технология / Л.А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 6–17.
2. Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л.В. Головкин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 3–7.
3. Ильютченко Н.В. Трансформация источников уголовно-процессуального права в период пандемии / Н.В. Ильютченко // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 159–162.
4. Колоколов Н.А. Восполнение пробелов в праве: роль и место суда / Н.А. Колоколов // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : материалы VI Международной научной конференции теоретиков права (г. Москва, 20–21 февраля 2020 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Н.Н. Черногор. Москва : Юриспруденция, 2021. С. 236–244.
5. Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации / Л.Г. Коновалова // Государство и право. 2020. № 10. С. 67–80.
6. Лазарев В.В. Проблема пробелов в праве в свете постклассической философии / В.В. Лазарев // Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика : материалы VI Международной научной конференции теоретиков права (г. Москва, 20–21 февраля 2020 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Н.Н. Черногор. Москва : Юриспруденция, 2021. С. 57–77.
7. Пицци У. Судопроизводство без истины: почему наша система уголовного судопроизводства стала дорогой ошибкой и что нам необходимо сделать, чтобы восстановить ее / У. Пицци ; перевод с английского Д.А. Печегина ; под редакцией М.А. Кудратова. Москва : Инфотропик Медиа, 2019. 280 с.
8. Победкин А.В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А.В. Победкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111.
9. Полубинская С.В. Использование данных нейронаук в доктрине уголовного права и судебной практике / С.В. Полубинская // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 9–37.
10. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России. 2021. № 6. С. 42–47.
11. Цветков Ю.А. Квантовая логика и юридическая техника уголовного и уголовно-процессуального закона / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. 2021. № 2. С. 18–29.

Латентная деконструкция категории показания в уголовном судопроизводстве России

Ковтун Николай Николаевич,
профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
профессор
kovtunnov@mail.ru

На основе анализа актов конституционного правосудия и последних нормативных новаций автор ставит на обсуждение нарастающие тенденции к фактической деконструкции понятия и сути категории показания как акта строго процессуального, объективируемого как доказательство исключительно через незыблемость установленной процессуальной формы.

Ключевые слова: показания, доказательства, допрос, уголовно-процессуальная форма, нормы и правовые позиции.

Как в российской теории доказательств (теории доказывания), так и непосредственно в практической сфере уголовного судопроизводства России, по факту непрерываемым является тезис о том, что именно показания тех или иных участников процесса выступают не только наиболее востребованным средством доказывания, но и, как правило, определяющим средством к установлению релевантно значимых обстоятельств дела. Как следствие, действующий уголовно-процессуальный закон исчерпывающе определяет виды тех или иных показаний (ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, далее — УПК РФ); субъектов их представления в уголовный процесс (ст. 76–80 УПК РФ), легальные формы процессуального закрепления (ч. 1 ст. 86, ст. 173, 187–191, 275–276, 277–282 УПК РФ); правила проверки и оценки для целей доказывания (ст. 75, 87–88 УПК РФ). В целом определилась в этих моментах и доктрина российского уголовно-процессуального права, особо акцентируя категоричность констатаций о том, что показания могут считаться легитимным средством доказывания лишь при соблюдении следующих принципиальных условий:

— показания (как сведения (информация) о фактах и обстоятельствах, входящих

в предмет доказывания по уголовному делу) могут быть получены лишь на допросе;

— допрос проведен при строгом соблюдении установленной законом уголовно-процессуальной формы (с соблюдением всех требований и условий этого следственного (судебного) действия и максимальным обеспечением всех прав его участников);

— допрос реализован (фактически данные получены) надлежащим субъектом доказывания (судом, должностным лицом следственных органов, принявшим дело к своему производству, либо иным должностным субъектом процесса — по письменному поручению органа, в чьем производстве находится дело; либо следователем (дознавателем), включенным в состав следственной группы (группы дознавателей))².

Однозначно признавая правомерность именно такой постановки вопроса, к условиям и порядку получения (формирования) этой разновидности (значимых) доказательств, вместе с тем вынужденно констатируем факт если не полного отказа, то значительного нивелирования сути и значения этих условий в современном уголовном судопроизводстве России. Причиной тому то ли реальные потребности практики уголовного судопроизводства России, все более адаптирующей к новым социальным, нормативным и материальным условиям функ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «Консультант-Плюс».

² Уголовный процесс России : учебн. / под науч. ред. В.Т. Томина. М. : Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

ционирования российского государства и общества, то ли субъективные позиции новоявленных (власть предрежащих) деятелей законотворческого процесса, формирующих новую правовую реальность в соответствии со своим представлением о должном и сущем в процессе. И дело даже не в том, что в нормах закона уже закреплены весьма любопытные нормы о том, что отдельные публичные субъекты процесса получили легальное право к производству следственных действий (в нашем случае — допроса), не принимая дело к своему производству (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). И даже не в том, что ход и результаты этих допросов уже, по идее, «не надо» закреплять процессуально (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Системные, глубокие, по сути, проблемы все более объективируют «упрощенные» процессуальные формы получения показаний, ведущие к деконструкции самой сути указанной категории как явления процессуального, связанного со строгой процессуальной формой и в целом доказывания и итоговых его результатов.

Чтобы быть правильно понятными, поясним суть этих проблем на конкретных примерах. Во-первых, предмет определенной «тревоги»: процессуальный статус лица, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключенным с ним соглашением о сотрудничестве с прокурором (гл. 40.1 УПК РФ), и, соответственно, юридическая природа его показаний, когда в соответствии с условиями соглашения это лицо свидетельствует в отношении своих соучастников по основному уголовному делу.

Известно, что процессуальный статус этого лица претерпевает явные трансформации в зависимости от того, по какому (основному или выделенному) делу мы к нему апеллируем и на каком именно этапе уголовного судопроизводства России. Все более или менее ясно лишь в той ситуации, когда речь идет о производстве в отношении данного фигуранта. В нормах гл. 40.1 УПК РФ законодатель последовательно говорит: о правилах судебного заседания и постановления приговора в отношении **подсудимого**, с которым заключено соглашение о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.7 УПК РФ); о том, что заседание начинается с изложе-

ния государственным обвинителем предъявленного **подсудимому** обвинения (ч. 3 ст. 317.7 УПК РФ); после чего судья спрашивает **подсудимого**, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает **подсудимому** дать показания по существу предъявленного обвинения (ч. 3.1 ст. 317.7 УПК РФ). В итоге процессуальное положение этого субъекта (в рамках «своего» производства) в целом понятно, логично и непротиворечиво по сути.

Однако все кардинально меняется в ситуации, когда этот же субъект, согласно условиям соглашения, призывается к свидетельствованию в отношении соучастников по основному уголовному делу. Предметом коллизии объективировались вопросы о том, в каком именно процессуальном статусе (и по каким правилам) следует допрашивать это сотрудничающее лицо; является ли оно субъектом уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по предмету свидетельствования. Со временем коллизия приобрела столь острый характер, что стала предметом разрешения в высшем органе конституционного правосудия России. Результатом конституционного познания стали правовые позиции, закрепленные в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко»³.

Поскольку заинтересованные лица вполне в состоянии изучить как общий ход рассуждений, так и основные аргументы высшего органа конституционного правосудия, изложенные в указанном акте, акцентируем внимание лишь на сути итоговых выводов Суда, имеющих отношение к оз-

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // СПС «Консультант-Плюс».

вученным выше коллизиям. Тем более что именно по этим лекалам высшим органом конституционного правосудия предложено разрешать как возникшие процессуальные проблемы, так и обеспечивать права указанных лиц.

Как итожит КС РФ, лицо, являющееся обвиняемым (осужденным) по выделенному уголовному делу, не может при рассмотрении судом основного уголовного дела, подсудимыми по которому являются его соучастники, наделяться процессуальным статусом обвиняемого. Соответственно, это лицо не может давать показания по этому делу по правилам допроса подсудимого. Причины указанного в том, что обвиняемый, заключивший соглашение, не будучи подсудимым по основному уголовному делу, привлекается к участию в судебном заседании по этому делу лишь для дачи показаний — как носитель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения этого дела. При этом именно взятые на себя обязательства предполагают его готовность при судебном разбирательстве по основному уголовному делу сообщить сведения, изобличающие соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, а равно иные сведения, отвечающие критериям полноты и достоверности показаний, касающихся релевантно значимых обстоятельств предмета доказывания.

Исходя из указанных обстоятельств, лицо, заключившее соглашение, может быть допрошено по основному делу исключительно в качестве участника, располагающего сведениями об обстоятельствах совершения преступления подсудимыми по основному уголовному делу и вызванного в суд по ходатайству стороны обвинения. Поэтому его допрос (при отсутствии в УПК РФ специальной процедуры) должен производиться по аналогии с процедурой заслушивания показаний свидетелей, но с учетом особенностей его правового положения в данном процессе (п. 31 Постановления). Среди этих особенностей, в частности, недопустимость предупреждения данного лица об ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний; ограничение перекрестного допроса этого лица нормами ст. 51 Конститу-

ции Российской Федерации⁴ (далее — Конституция РФ).

Таким образом, резюмирует высший орган конституционного правосудия, данное лицо в силу особенностей своего правового положения в («особом») уголовном процессе: **не является подсудимым (обвиняемым)** по основному уголовному делу; и в то же время, связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, **не является свидетелем** по основному уголовному делу. Скорее всего, это некий особый («особо ценный»!) свидетель.

Поскольку в соответствии с новациями, внесенными в нормативное регулирование Федеральным конституционным законом от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”»⁵, как суды общей юрисдикции, так и иные правоприменительные органы не вправе применять закон иначе, чем в истолковании, предложенном КС РФ⁶, федеральный законодатель принял к сведению позиции высшего органа конституционного правосудия. Федеральным законом от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ⁷ УПК РФ дополнен новой статьей, 56.1: «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве»,

⁴ Ковтун Н.Н., Лапатников М.В. Особо ценный свидетель стороны обвинения — «не кантовать!» // Мировой судья. 2020. № 6. С. 19–26; Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Ковтун Н.Н. «Немягкая сила» актов конституционного правосудия // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 13–18.

⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

в нормах которой в той или иной мере инкорпорированы правовые позиции высшего органа конституционного правосудия. Казалось бы, обсуждаемые коллизии исчерпаны и более нет оснований к тому, чтобы муссировать проблемы «особого статуса» лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и так полезно свидетельствующего в отношении своих соучастников.

Увы, на наш взгляд, проблемы указанного свидетельствования, напротив, весьма обострились. Поясним. Как ранее отмечалось, краеугольным камнем российской теории доказательств является тезис о том, что фактические данные (сведения о фактах; ч. 1 ст. 74 УПК РФ), сформированные в ходе уголовного судопроизводства, могут быть признаны в качестве доказательств по делу лишь в том случае, если они получены из источника, указанного в законе. Виды этих источников указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. При этом перечень данных источников является исчерпывающим; расширительному толкованию он не подлежит. Известно и то, что при проверке доказательств управомоченный субъект обязан прежде всего проверить законный источник получения сведений (ст. 87 УПК РФ). Эти же требования закреплены к такому элементу процесса доказывания, как оценка доказательств (ст. 88 УПК РФ), где установление факта нелегитимности источника происхождения сведений (фактических данных) *a priori* влечет признание их недопустимости для процесса доказывания.

Повторы в этих (общеизвестных) моментах оправданы лишь постольку, поскольку позволяют суммировать: перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ не включает в себя такого легального источника доказательств, «как показания лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Показания свидетеля, потерпевшего в этом перечне есть; показания обвиняемого, подозреваемого — также известны. Показания лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и не являющегося, по мнению высшего органа конституционного правосудия, ни обвиняемым в ходе «свидетельствования» по основному уголовному делу в суде, ни собственно свидетелем, в указан-

ной норме нет. Нет исследуемого источника доказательств (источника «показаний») и в иных нормах УПК РФ. В итоге по букве закона сведения из этого «источника» лишены легитимной основы; они *a priori* недопустимы для процесса доказывания ни как доказательства, ни как «решающие» доказательства стороны обвинения, несмотря на публично акцентируемую ценность данных «свидетелей».

Формируя правовые позиции и заключительные положения по предмету спора, КС РФ не обсуждает эти моменты, не видит негативных моментов предложенного им статуса «особо ценного свидетеля» на стороне обвинения. Судам общей юрисдикции эти моменты также неинтересны; процесс отправления правосудия по основному делу идет по накатанной — к чему множить сущности с негативными и весьма далеко идущими правовыми последствиями. Так и до пересмотра всей массы постановленных приговоров в этом «особо ценном» порядке (гл. 40.1 УПК РФ) можно в итоге «додискутироваться».

Скорее всего, не надо апеллировать и к тем правовым позициям суда, по сути которых доказательства, полученные с нарушением норм УПК РФ и призванные к обоснованию обвинения, должны (по смыслу ст. 49, ч. 2 ст. 50 Конституции РФ), признаваться недопустимыми; в итоге они не могут быть положены в основу выводов и решений по уголовному делу (Постановление КС РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П⁸; Определение КС РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О⁹).

КС РФ, отметим, и «не апеллирует». Более того, продолжает упорствовать, предлагая судебной следственной практике свое видение сути и процессуальной формы объективации «показаний» — как средств доказывания. Примером тому выступает Постановление этого органа от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граж-

⁸ Постановление КС РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение КС РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О // СПС «КонсультантПлюс».

данина Р.А. Алиева»¹⁰. Напомним: предмет проверки суда явился категорический запрет закона допрашивать в качестве свидетеля судью или присяжного заседателя об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному делу (п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). Между тем практика отправления правосудия объективировала ситуации, при которых вопрос о правосудности приговора, основанного на вердикте присяжных заседателей, требует обязательного исследования утверждений о том, что фактически на присяжных в совещательной комнате оказывалось неправомерное воздействие, которое могло повлиять на суть их решающих выводов в (итоговом) вердикте. Являясь существенным нарушением закона (п. 8 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ), данный факт всегда подлежит проверке судом апелляционной инстанции как на основе (соответствующего) заявления сторон, так и по представленным в суд материалам (п. 4 постановления).

Однако в рамках этой проверки суд вышестоящей инстанции сталкивается с практически непреодолимой коллизией. С одной стороны, по нормам ч. 1 ст. 56 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела. С другой, по нормам ч. 3 ст. 56 УПК РФ и в соответствии с нормами гл. 42 УПК РФ присяжный заседатель, входящий в состав суда, не может в том же деле иметь статус свидетеля. Как следствие, он не может вызываться на допрос и давать показания по правилам ст. 187–190, 278, 278.1, 389.13 УПК РФ. Иное противоречило бы предназначению суда, разделению процессуальных функций участников процесса, как они определены Конституцией РФ.

Высший орган конституционного правосудия нашел решение этой сложной проблемы. Суд итожит: информация об общении присяжных с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств дела, о

стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате иных лиц, помимо присяжных, свидетельствует о нарушении норм УПК РФ. Однако в контексте п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ она не может расцениваться в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по делу. Не является она и сведениями, составляющими тайну совещания присяжных, а потому эта информация может стать предметом изучения и оценки в суде вышестоящей инстанции, в том числе с привлечением к разрешению данного вопроса самих присяжных заседателей.

Как следствие, нормы п. 1 ч. 3 ст. 56 УПК РФ никак не препятствуют суду вышестоящей инстанции пригласить на судебное заседание присяжных заседателей для выяснения (истинных) обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений норм УПК РФ при обсуждении и вынесении вердикта. Правда, **без придания им процессуального статуса свидетеля**, ибо в рамках судебных действий они не свидетельствуют перед вышестоящим судом, а дают **пояснения** по поводу указанных (проверяемых) действий. Юридическую природу указанных «пояснений» и правомерность их использования в качестве оснований для отмены приговора суда первой инстанции, суд, естественно, не поясняет. Не разъясняет и то, следует ли (отныне) считать эти пояснения разновидностью источников доказательств по делу (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), а саму информацию — разновидностью фактических данных. Следует ли этих (полезно «поясняющих») лиц предупреждать об ответственности за отказ от дачи и за дачу заведомо ложных показаний; разъяснять им нормы ст. 51 Конституции РФ, иные права в указанном заседании?..

Нам могут вполне возразить, что последнее — явно излишне, ибо показаний здесь в наличии нет. Действительно, нет. Но их, как известно, нет и в стадии возбуждения уголовного дела, ибо допросы на указанной стадии запрещены категорически. Тем не менее по нормам Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в статью 307 Уго-

¹⁰ Постановление КС РФ от 7 июля 2020 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // СПС «КонсультантПлюс».

ловного кодекса Российской Федерации»¹¹ ответственность за заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста (ч. 1 ст. 307 УК РФ) распространена уже в целом на досудебное уголовное судопроизводство, а не на стадию предварительного расследования (как ранее). В итоге не только высший орган конституционного правосудия, но и законодатель все смелее дифференцируют процессуальное понятие показаний на его удобные и упрощенные виды. А если по факту: все более консолидируется с «неправильными» позициями ЕСПЧ, показания которых можно вполне усмотреть и в протоколе явки с повинной, и в протоколе проверки показаний на месте, и в иных следственных действиях, где объективируется вербальная информация участников. Был бы запрос. Как следствие, вари-

антов для оптимизации практики не так уж и много, ибо надо:

— либо с каждой новой подобной «новацией» незамедлительно вносить соответствующие изменения в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ («купируя» проблемы и дискуссии о «ненадлежащих» источниках фактических данных);

— либо апеллировать к новым разъяснениям-нормам со стороны высшего органа конституционного правосудия, законодателя, пленума, доктрины о сути и перечне критериев допустимости показаний;

— либо властно закончить неудобные дискуссии и сомнения по этим моментам как явно надуманные и идеологически вредные для законного, обоснованного и эффективного отправления национального правосудия. Особенно по тем категориям преступлений и дел, ради эффективного расследования и рассмотрения в суде которых перманентно изобретаются удобные варианты и разновидности показаний в уголовном судопроизводстве России.

¹¹ Федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Ковтун Н.Н. «Немая сила» актов конституционного правосудия / Н.Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. 2017. № 2. С. 13–18.
2. Ковтун Н.Н. Особо ценный свидетель стороны обвинения — «не кантовать!» / Н.Н. Ковтун, М.В. Лапатников // Мировой судья. 2020. № 6. С. 19–26.
3. Уголовный процесс России : учебник / научный редактор В.Т. Томин. Москва : Юрайт-Издат, 2003. 821 с.

Почему важен DOI и как это влияет на качество научной информации и ее последующее цитирование?

DOI значительно облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации.

DOI повышает авторитет журнала, он свидетельствует о технологическом качестве издания.

DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

При цитировании статьи с DOI одним из журналов, входящих в Scopus, Web of Science или какую-либо другую престижную библиографическую базу, данные статьи и автора также заносятся в эти базы.

Все журналы, входящие в Scopus, Web of Science и Springer, в обязательном порядке присваивают своим статьям DOI.

Как ссылаться на статью с DOI?

Альханова Г.К. Построение «дома качества» для сливочного масла / Г.К. Альханова, Р.В. Залилов, Б.К. Асенова // Международный научно исследовательский журнал. 2015. № 7 (38). Часть 1. № 7–1 (38). С. 6–10. DOI: 10.18454/IRJ.2015.0001

Как проверить DOI статьи?

DOI, присвоенный любой организацией, можно проверить непосредственно на сайте IDF DOI: <http://www.doi.org/>

К вопросу о расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве (ст. 195–197 УК РФ)

Клещенко Юрий Григорьевич,
ведущий специалист Западного филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
кандидат экономических наук
iurii.kleshchenko@gmail.com

В статье автором раскрыты основные признаки криминального банкротства. В статье обосновано, что для доказательства состоявшегося криминального банкротства данного предприятия первостепенное значение имеют незамедлительный сбор материала-первоисточника и его скрупулезная обработка. В статье автор обсуждает основание для возбуждения уголовного дела, конкретные виды экспертиз, необходимые для сбора доказательной базы при расследовании криминального банкротства. Автор статьи проанализирован правоприменительный опыт, а также предложены рекомендации по расследованию преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве.

Ключевые слова: неправомерные действия при банкротстве, криминальное банкротство, раскрытие и расследование неправомерных действий при банкротстве, признаки криминального банкротства.

Правонарушения, совершаемые в сфере криминального банкротства, наиболее трудно доказуемы в правоприменительной практике как в сборе доказательной базы, так и доведения дела до суда. По мнению Е.В. Калининой, криминальное банкротство является явлением исключительно рыночным: именно развитие рыночных отношений в России влияет на состояние преступности в данной сфере¹. Показателями такого преступления служат в большинстве случаев мошеннические схемы², закладываемые в плановых и других отчетных документах данного предприятия. Способность обнаружения характерных признаков криминального доведения проверяемого объекта до финансовой несостоятельности в документальных проводках проверяемой организации является базой для начала следственных действий³.

Основными признаками криминального банкротства являются: 1) опережающее незаконное финансирование невыполненных сделок; 2) заведомо убыточные договоры; 3) искусственно завышенные расходы предприятия; 4) повышенные необоснованные ссуды для сотрудников; 5) перевод материальных ценностей организации на другие хозяйствующие субъекты; 6) создание криминальных методов хозяйствования; 7) дробление компании с разделом имущества; 8) раздробление организации на несколько мелких предприятий и т.д.⁴ При подтверждении признаков правонарушений, приводящих к банкротству, требуются выемка всей документации, необходимой для сбора доказательств возможного преступления, и его обработка. Объектами расследова-

связанных с совершением неправомерных действий при банкротстве и уклонении от уплаты налогов // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 67.

¹ Калинина Е.В. Несостоятельность (банкротство): пути выхода из финансового кризиса // Юрист. 2002. № 2. С. 49–50.

² Трунцевский Ю.В. Интеллектуальное пиратство: гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия. М.: Юрист, 2002. 280 с.

³ Власова С.В. К вопросу о проблемах раскрытия и расследования преступлений,

⁴ Епишин В.В. Использование специальных экономических знаний по уголовным делам: доверяй, но проверяй // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сб. мат. VI Междунар. науч.-практич. конф. Пермь, 2019. С. 203.

ния должны быть детерминанты: 1) повышения первоначальной стоимости; 2) наличия неучтенных материальных ценностей в местах складирования; 3) интенсивного натурального товарообмена и взаимных списаний продукции; 4) недоплаты работникам предприятия заработанных денежных средств или переплата средств; 5) уменьшения размеров прибыли; 6) заключенных убыточных для предприятия договоров с другими предприятиями и фирмами⁵. Аудит хозяйственно-экономических операций, способствующих раскрытию рассматриваемого вида преступлений, состоит из двух уровней. Сперва проверяется точность выполнения предприятием своих договорных обязательств перед финансирующими и кредитующими организациями, затем исследуется, на каких условиях были заключены договора, которые привели к невыполнению данных договорных обязательств. После окончания двух этапов проверок эксперты определяют наличие криминальной составляющей финансовой несостоятельности данного предприятия⁶. Банкротство, как принято во всем мире, — это очищение экономики от нежизнеспособных предприятий или фирм законным способом с распределением финансов банкрота, возвратом имущества или получением компенсации за утраченную собственность или восстановлением прав собственности кредитных учреждений⁷. Криминальные структуры часто пользуются правовыми недостатками для криминального банкротства предприятий с целью получения материальной и финансовой выгоды или смены хозяйствующего субъекта⁸.

Обнаружение первоисточника документов для доказательной базы, его тщательная проработка могут гарантировать раскрытие подобного преступления. Отсутствие достаточного материала из первоисточника в подавляющем большинстве случаев является главным аргументом для отказа в возбуждении уголовного дела. Опросы, проведенные среди работников следственных органов (следователи,истики Следственного департамента при МВД России), подтвердили, что от качества первоисточника в 90% случаях зависит основание для возбуждения дела⁹.

Для сбора доказательной базы при расследовании умышленного криминального банкротства проводятся множественные экспертизы, бухгалтерский учет и анализ: 1) финансовой деятельности; 2) плановой и инженерной экономической деятельности, а также экспертные исследования: 1) проводных документов; 2) компьютерной и иной техники; 3) почерков причастных к материалам лиц¹⁰. Судебно-бухгалтерская экспертиза — главный инструмент, позволяющий получить наиболее достоверную информацию о совершенном преступлении при криминальных банкротствах¹¹. Она позволяет обнаружить способы 1) искажения рентабельности предприятия бухгалтерскими проводками; 2) искусственного незаконного изменения баланса предприятия; 3) изменения (приписки) с целью сокрытия долгов предприятия; 4) наличия двойной бухгалтерии и двойственных счетов¹².

экономическая категории // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 166–172.

⁹ Официальный сайт МВД России. URL: 48.mvd.rf/press/ interview/453

¹⁰ Мельникова О.В. Актуальные аспекты производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве организаций // Юрист-Правовед. 2016. № 2 (76). С. 52–56.

¹¹ Трунцевский Ю.В., Чесноков А.А. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства // Алтайский юрид. вестник. 2015. № 2 (10). С. 111–114.

¹² Еремин С. Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступле-

⁵ Сочнева Е.Н., Шадаева В.Т. Финансово-экономический анализ как инструмент проведения судебной экспертизы при расследовании случаев преднамеренного банкротства юридических лиц // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1 (7). С. 153–154.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенности урегулирования несостоятельности (банкротства) финансовых организаций: международные и российские подходы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 1 (29). С. 65.

⁸ Глухова О.Ю., Шевяков А.Ю. Несостоятельность (банкротство) как правовая и

При выявлении преступных действий при криминальном доведении предприятия до финансовой несостоятельности перед правоохранительными органами возникают следующие проблемы, требующие своего разрешения:

— допустимость частичного сокрытия учреждениями регистрации производимых ими товаров;

— возможность установления аргументированности отражения в надлежащих документах информации, содержащей результаты хозяйственно-производственной и организационно-экономической деятельности учреждения;

— обнаружение противоправных действий при составлении планов и расчетов для данной организации. Для осуществления схожих финансовых расследований определяют к назначению планово-экономическую экспертизу¹³. Такие действия предпринимаются для решения следующих задач: 1) определение аргументированности принятых технических, экономических и количественных параметров плановых обязательств; 2) обнаружение подделок, реализованных через скрытое незаконное внесение изменений в утвержденный план и (или) смету; 3) точное определение запланированной начальной стоимости изготавливаемого продукта; 4) установление правомерности создания фондов предприятий; 5) воздействие обнаруженных невыполненных требований на экономическое положение данного предприятия и т.д.¹⁴

Для того чтобы возбудить уголовное дело в данной специфической сфере, в первую очередь необходимо иметь заключения эксперта с подтверждающими фактами целенаправленного или криминального банкротства. После выявления факта зна-

чительного ущерба, нанесенного организации, результаты проведенной экспертизы необходимо направить в органы предварительного следствия для последующего разбирательства. Чтобы установить преступность деяния, регламентированную ст. 196 УК РФ, в первую очередь в актах проверок, осуществляемых сотрудниками отдела экономической безопасности по установлению криминального банкротства, должны быть раскрыты такие факты, как: 1) время начальной неплатежеспособности учреждений; 2) экономическое состояние учреждения и его способность осуществления платежей при реализации заведомо неплатежеспособных сделок, а также экономическое состояние учреждения уже после каждой из таковых сделок, т.е. необходимо определить реальный ущерб учреждения от каждой такой сделки; 3) информация о уполномоченных лицах учреждения и их должностном регламенте в тот момент, когда совершалась каждая из заведомо неплатежеспособных сделок; 4) совокупность долгов по имеющимся кредитным обязательствам, а также время и по каким причинам она была образована; 5) обобщенный объем конкурсной совокупности и учет способности реализации своих договорных обязательств перед всеми кредиторами¹⁵.

При проверке предприятия желательно получение письменных объяснительных документов от руководства, так как финансово-экономическая несостоятельность объекта может произойти по независящим от них обстоятельствам¹⁶. Криминальное банкротство подразумевает умышленные деяния со стороны руководства данной организации, которые приводят в исполнение их планов по приведению финансово-экономического состояния объекта к желае-

ниях в сфере экономики: моногр. Волгоград, 2006. С. 84.

¹³ Мельникова О.В. Некоторые проблемы расследования преступлений, связанных с производством и оборотом фальсифицированной алкогольной продукции // Юристъ-Правоведъ. 2014. № 1 (62). С. 74–78.

¹⁴ Мельникова О.В. Актуальные аспекты производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве организаций. С. 52–56.

¹⁵ Попова Н.С., Степанов И.Г., Биктагирова И.Н. Механизм количественной оценки несостоятельности металлургического предприятия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 6 (26). С. 33–35.

¹⁶ Единые государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации: моногр. / под общ. ред. В.И. Авдийского, В.М. Безденежных, В.К. Сенчагова. СПб.: СоветникЪ, 2014. С. 74.

мому результату — банкротству¹⁷. Чтобы заключить, что в данном преступлении содержится состав правонарушений, соответствующий ст. 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁸ (далее — УК РФ), необходимо предусмотреть, что:

1) руководство организации сознательно заключало заведомо невыгодные договора, желая неизбежного ухудшения финансово-экономического состояния данного хозяйствующего субъекта и осознавая, что их действия приведут к неизбежным негативным результатам для данного предприятия; при этом оно знало о намерениях финансирующих и кредитующих органов (предъявить иски и другие претензии в установленном порядке);

2) статья 196 УК РФ вступает в юридическую силу только после наступления факта криминального банкротства данной организации и фактического нанесения крупных убытков финансирующим и кредитующим органам из-за умышленного невыполнения своих договорных обязательств¹⁹.

При возможном восстановлении платежной или иной способности обанкротившейся организации и погашении ей своих договорных обязательств перед финансовыми и кредитными органами за счет средств, получаемых от конкурсного производства, ст. 196 УК РФ теряет свою юридическую основу, так как она требует обязательного присутствия нанесенного крупного эко-

номического или финансового ущерба, составляющего более 1 500 000 рублей²⁰. На практике суду требуется доказательство о нанесении такого ущерба каждому истцу или в крайнем случае одному истцу, поскольку без этого невозможно применить ст. 196 УК РФ в связи с отсутствием состава данного преступления — даже при наличии суммарного ущерба, превышающего обозначенную выше сумму. Даже в таком случае, когда разные руководители одного предприятия в разное время заключали договоры, каждый из которых приводил к криминальному банкротству, то при отсутствии доказательства, что бывшие руководители были в сговоре об умышленном приведении предприятия в неплатежеспособное состояние, ст. 196 УК РФ не может вступить в силу²¹. При наличии вышеперечисленных признаков преступления, если установлено, что все требования ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации²² не выполнены в полном объеме, то сторона защиты может, ссылаясь на отсутствие или неполный состав доказательств обвинения и руководствуясь положением о презумпции невиновности, оспорить предъявленные обвинения²³. На данный момент в России правоприменительный опыт по криминальному банкротству очень незначителен. Без чистосердечного и полного признания своей вины обвиняемым лицом и при особом порядке

²⁰ Кузьминов Д.А. Крупный ущерб как признак составов преступлений, связанных с банкротством // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 2. С. 15–17.

²¹ Агеева К.А. Проблемы признания недействительными или заключенными на нерыночных условиях сделок должника по «банкротным» основаниям. Правовые последствия // Вестник исполнительного производства. 2018. № 3. С. 44–45.

²² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См., напр.: Бронфман Б.Е. К вопросу о расследовании преступлений, связанных с неправомерными действиями при банкротстве // Вестник УЮИ. 2017. № 1 (75). С. 42–43; Волков В.Г. Выявление, квалификация и расследование преднамеренного банкротства // Безопасность бизнеса. 2005. № 3. С. 20–21; Гогица Г.Н., Гогица А.А. О банкротстве организаций и субъектах юридической ответственности // Вестник СамГУПС. 2018. № 4 (42). С. 21–22.

¹⁷ Уголовное право Российской Федерации : учеб. для высш. уч. завед. / под общ. ред. И.А. Бобракова, А.А. Телегина. Брянск, 2008. 627 с. ; Власова С.В. Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с совершением неправомерных действий при банкротстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (39). С. 48 ; Осокин Р.Б. Полезный учебник. Рецензия. «Уголовное право. Общая часть. Для экономических специальностей» // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 349–350.

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Власова С.В. К вопросу о проблемах раскрытия и расследования преступлений, связанных с совершением неправомерных действий при банкротстве и уклонении от уплаты налогов. С. 68–69.

судопроизводства вынести обвинительный приговор не представляется возможным²⁴.

Динамика зарегистрированных преступлений в области криминального банкротства весьма нестабильна. Данное явление объясняется П.Е. Власовым как уже сформировавшаяся определенная правоприменительная практика, которая позволяет свести к минимуму возможные ошибки²⁵.

²⁴ Власова С.В. Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с совершением правонарушений действий при банкротстве. С. 47–48.

²⁵ Власов П.Е. Преступность в сфере банкротств: криминологические аспекты // СПС «КонсультантПлюс», 2010.

Подводя итог, можно отметить, что для доказательства состоявшегося криминального банкротства данного предприятия первостепенное значение имеют незамедлительный сбор материала-первоисточника, его скрупулезная обработка и доскональный анализ с назначением документальной тщательной проверки бухгалтерских проводок. Эти действия могут дать основание для возбуждения уголовного дела; далее по запросу следствия контрольные органы проводят ревизию по расходованию бюджетных и внебюджетных средств, по рациональному использованию имущества и ценных бумаг федеральной собственности.

Литература

1. Агеева К.А. Проблемы признания недействительными или заключенными на нерыночных условиях сделок должника по «банкротным» основаниям. Правовые последствия / К.А. Агеева // Вестник исполнительного производства. 2018. № 3. С. 42–48.
2. Бронфман Б.Е. К вопросу о расследовании преступлений, связанных с правонарушениями при банкротстве / Б.Е. Бронфман // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 1 (75). С. 41–44.
3. Власов П.Е. Преступность в сфере банкротств: криминологические аспекты / П.Е. Власов // СПС «КонсультантПлюс», 2010.
4. Власова С.В. К вопросу о проблемах раскрытия и расследования преступлений, связанных с совершением правонарушений действий при банкротстве и уклонении от уплаты налогов / С.В. Власова // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 68–72.
5. Власова С.В. Проблемы раскрытия и расследования преступлений, связанных с совершением правонарушений действий при банкротстве / С.В. Власова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (39). С. 47–49.
6. Волков В.Г. Выявление, квалификация и расследование преднамеренного банкротства / В.Г. Волков // Безопасность бизнеса. 2005. № 3. С. 20–21.
7. Глухова О.Ю. Несостоятельность (банкротство) как правовая и экономическая категории / О.Ю. Глухова, А.Ю. Шевяков // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 166–172.
8. Гогина Г.Н. О банкротстве организаций и субъектах юридической ответственности / Г.Н. Гогина, А.А. Гогина // Вестник СамГУПС. 2018. № 4 (42). С. 19–27.
9. Единые государственные стандарты по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов Российской Федерации : монография / под общей редакцией В.И. Авдийского, В.М. Безденежных и В.К. Сенчагова. Санкт-Петербург : СоветникЪ, 2014. 160 с.
10. Епишин В.В. Использование специальных экономических знаний по уголовным делам: доверяй, но проверяй / В.В. Епишин // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Пермь, 2–4 апреля 2019 г.) : сборник научных статей / составитель Н.А. Санников. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 203–204.
11. Еремин С.Г. Теоретические и практические проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики : монография / С.Г. Еремин. Волгоград, 2006. 464 с.
12. Калинина Е.В. Несостоятельность (банкротство): пути выхода из финансового кризиса / Е.В. Калинина // Юрист. 2002. № 2. С. 49–52.
13. Кузьминов Д.А. Крупный ущерб как признак составов преступлений, связанных с банкротством / Д.А. Кузьминов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 2. С. 15–17.
14. Мельникова О.В. Актуальные аспекты производства судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с правонарушениями действиями при банкротстве организаций / О.В. Мельникова // Юрист-Правовед. 2016. № 2 (76). С. 52–56.

15. Мельникова О.В. Некоторые проблемы расследования преступлений, связанных с производством и оборотом фальсифицированной алкогольной продукции / О.В. Мельникова // Юрист-Правовед. 2014. № 1 (62). С. 74–78.
16. Осокин Р.Б. Полезный учебник. Рецензия. «Уголовное право. Общая часть. Для экономических специальностей» / Р.Б. Осокин // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 349–350.
17. Попова Н.С. Механизм количественной оценки несостоятельности металлургического предприятия / Н.С. Попова, И.Г. Степанов, И.Н. Биктагорова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 6 (26). С. 33–35.
18. Рождественская Т.Э. Особенности урегулирования несостоятельности (банкротства) финансовых организаций: международные и российские подходы / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 1 (29). С. 62–76.
19. Сочнева Е.Н. Финансово-экономический анализ как инструмент проведения судебной экспертизы при расследовании случаев преднамеренного банкротства юридических лиц / Е.Н. Сочнева, В.Т. Шадаева // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1 (7). С. 153–154.
20. Трунцевский Ю.В. Интеллектуальное пиратство: гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия / Ю.В. Трунцевский. Москва : Юрист, 2002. 280 с.
21. Трунцевский Ю.В. Некоторые проблемы использования источников информации о злоупотреблениях в процедурах банкротства / Ю.В. Трунцевский, А.А. Чесноков // Алтайский юридический вестник. 2015. № 2 (10). С. 111–114.
22. Уголовное право Российской Федерации: учебник для высших учебных заведений / под общей редакцией И.А. Бобракова, А.А. Телегина. Брянск : БФ МосУ МВД РФ, 2008. 627 с.

ПРОФЕССОРСКИЙ ФОРУМ — 2021
«НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ В XXI ВЕКЕ: ТRENДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Уважаемые коллеги!
Приглашаем к участию в Форуме!

27–30 сентября 2021 года в г. Москве состоится Профессорский форум «Наука и технологии в XXI веке: тренды и перспективы». В рамках Форума пройдут заседания по секциям:

29 сентября 2021 г.:

секция 1 «Наукометрия. Интеллектуальная собственность научных произведений»,
секция 2 «Роль профессора в развитии научных школ»,
секция 3 «Секция Президентов университетов:
о научных стратегиях вузов»,
секция 4 «Роль научных исследований в повышении качества образования»,
секция 5 «Продвижение российской науки и трансфер научных технологий»,
секция 6 «Российская наука в медиaprостранстве»,
секция 7 «Совместное заседание общественных советов при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, Министерстве просвещения Российской Федерации и Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации»,
секция 8 «Институциональная поддержка научных исследований вузов»;

30 сентября 2021 г.:

секция 1 «Медико-биологические науки»,
секция 2 «Философские науки»,
секция 3 «Юридические науки»,
секция 4 «Экономические науки»,
секция 5 «Химические науки»,
секция 6 «Педагогика и подготовка педагогических кадров»,
секция 7 «Технические науки»,
секция 8 «Физико-математические науки»,
секция 9 «Филологические науки»,
секция 10 «Исторические науки»,
секция 11 «Военные науки»,
секция 12 «Социологические науки»,
секция 13 «Психологические науки»,
секция 14 «Государственное и муниципальное управление»,
секция 15 «Политические науки»,
секция 16 «Науки о Земле»,
секция 17 «Рекреация и туризм»,
секция 18 «Теологические науки»,
секция 19 «Сельскохозяйственные науки»,
секция 20 «Искусствоведение и культурология»,
секция 21 «Молодежная политика и развитие спорта».

В целях сохранения и дальнейшего развития научного потенциала российской науки и высшего образования, стимулирования научно-технического развития и поощрения выдающихся научных и педагогических работников Российским профессорским собранием учреждены общенациональные премии: «Профессор года», «Декан года», «Ректор года».

В рамках Профессорского форума — 2021 состоится вручение Общенациональных премий.

Форум состоится в смешанном формате. Для участия необходимо пройти регистрацию на сайте Российского профессорского собрания: <https://профессор.рф/registraciya/>

Преюдициальность в УК РФ в свете позиций Конституционного Суда РФ (на примере ст. 116.1 УК РФ)

Иванов Никита Георгиевич,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(ВГУЮ (РПА Минюста России))
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
puasson2008@yandex.ru

В статье рассмотрены подходы Конституционного Суда Российской Федерации к решению вопроса о криминализации деяний с учетом административной преюдиции. Показаны непоследовательность и противоречивость позиций Конституционного Суда Российской Федерации относительно поводов криминализации, предлагаемых в различных решениях высшего судебного органа конституционного контроля в России, а также некорректность выводов суда относительно криминализации психических особенностей индивида. В итоге рассуждений сделан вывод об административной преюдиции в УК РФ как основе создания кодекса опасного состояния.

Ключевые слова: Конституционный Суд, преюдициальность, психический статус личности, распространенность деяния, общественная ценность.

Восьмого апреля 2021 г. в «Российской газете» было опубликовано Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой»¹ (далее — Постановление № 1), которое интересно не только тем, что в нем всячески отстаивается необходимость преюдициальных норм, а именно норм с административной преюдицией в Уголовном кодексе Российской Федерации² (далее — УК РФ), но и рассуждениями о криминализационных основах, приемлемых и необходимых в процессе созидания нормативного материала. Это постановление, богатое информацией по нормотворчеству, привлекло мой исследовательский интерес и

побудило к рассуждениям на давно не дающую покоя криминалистам тему преюдициальности уголовного закона исключительно с позиций насыщения его нормами о деяниях (я специально подчеркиваю это существительное «деяние», которое в дальнейших рассуждениях сыграет роль ружья, непременно выстреливающего во втором акте пьесы).

Прежде всего необходимо заметить, что в УК РФ представлено несколько вариантов норм с административной преюдицией. Для наглядности покажу систему преюдициальных вариантов российского УК РФ в форме столбца:

— лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116.1 и др.);

— лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию (примечание к ст. 151.1 и др.);

— лицо, привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений более двух раз в течение 180 дней (примечание к ст. 212.1 и др.);

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» // Российская газета. 2021. 20 апреля.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

— лицо привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года (ст. 284.1 и др.).

Приводя законодательную схему преюдициальных норм, я исходил из постулата о том, что знак генерирует реальность. А в законодательной «преюдициальной» схеме реальности слишком много, и, кроме того, она мозаична, что не делает чести нормативной парадигме.

В мозаике преюдициальных потенций нормативного материала не соблюден принцип единого семантического основания употребляемых законодателем слов, а это нарушает единство толковательных позиций. Законодатель позволяет себе отождествлять в преюдициальном смысле административную ответственность и административное наказание. В пределах административного наказания, имеющего преюдициальное значение, по какой-то трансцендентной причине различаются сроки и частота назначения административных наказаний, а также семантические особенности глаголов, призванных в сочетании с причастиями или без такого сочетания определять дискреции правоприменителя. А между тем «в каждом понятии имеется содержание, под которым понимается совокупность отличительных признаков, ядром которых являются существенные признаки»³. В свою очередь существенный признак — это такой, «который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которых данный предмет существовать не может, и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его от предметов других видов и родов»⁴. В предлагаемой законодателем мозаике преюдициальных знаков существенные признаки размыты, поскольку отсутствует единое начало, тот фундамент, который позволяет отличать используемые понятия друг от друга, а следовательно, наличие подобных дефиниций представляет собой алогичную картину законодательного полотна, что в состоянии привести к различным вариантам законотворчества, включая и гротескные. Например, можно дать определение преступления через общественную опасность де-

яния и наряду с этим — через множественность девиаций.

В статье 116.1 УК РФ предложен такой грамматический оборот: «подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние». Определить признак «подвергнутому» можно только в результате тщательного грамматического анализа этого причастия, которое употреблено в форме страдательного залога прошедшего времени. Страдательный залог, как известно, это глагольная категория, которая выражает отношение действия к субъекту и объекту. При этом данная форма залога показывает, что лицо не производит действия, а испытывает его на себе, испытывает с известным постоянством, и именно в постоянстве характеристики «подвергнутому» и заключается толковательная изюминка рассматриваемого термина. Получается, что лицо, подвергнутое чему-либо, так и останется подвергнутым, невзирая на временные промежутки. Это как стигма, нанесенная однажды и продолжающая оставаться в своем первоначальном обличье. Другое дело, когда законодатель уточняет временные параметры действия наложенного взыскания. Например, в примечании к ст. 151.1 УК РФ, где четко обозначены временные параметры — в течение времени, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а таковым лицо считается, согласно ст. 4.6 Кодекса Российской Федерации об административном правонарушении⁵ (далее — КоАП РФ), в течение года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания. В этой формуле нет долговременной стигмы. Она исчезает по прошествии года, и субъект уже не считается подвергнутым. Но данное обстоятельство является итогом творчества законодателя, который и определил временные параметры «подверженности».

В результате такой грамматической оригинальности и семантического разнообразия субъект, подвергнутому без законодательных параметров времени, оказывается гораздо в более худшем положении, чем тот, в отношении которого установлен годичный срок. Бо-

³ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: НАУКА, 1975. С. 457.

⁴ Там же. С. 578.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

лее того, вне законодательно установленных временных рамок, в течение которых субъект остается подвергнутым, он становится вневременным, или «вечным», потенциальным носителем бремени административного взыскания, которое может реализоваться в уголовную ответственность при совершении аналогичного деяния. Несмываемая стигма подверженности административному наказанию в данном случае вполне тождественна средневековой демономании, когда лицо, подозреваемое в колдовстве или ведовстве, должны были обязательно судить и приговорить к смерти из-за сношения с дьяволом и участия в шабашах вне зависимости от времени уличения его в этом. В том случае если суд оправдывал такого человека, то судьи, в свою очередь, признавались ослепленными демономанией.

Обращая внимание читателя на различные семантические оттенки административной преюдиции в УК РФ, которые в состоянии ввести в заблуждение правоприменителя, основной акцент в статье мы делаем все же на факте преюдициальности в свете постановлений КС РФ как на конститутивном признаке преступления. В этом аспекте и продолжим наши рассуждения.

Прежде всего обращает на себя внимание толкование признака «подвергнутый» в Постановлении № 1. КС РФ утверждает, что «в ст. 116.1 УК РФ ответственность установлена только для лиц, совершивших деяние в период, когда они считаются подвергнутыми административному наказанию». Данное суждение есть плод исключительно субъективной толковательной позиции, которая лишена объективных оснований. Во-первых, из буквы закона такое толкование не следует. Остается только дух закона, по поводу которого классики философии (Вольтер) и юриспруденции (Бентам, Беккариа) высказывались весьма скептически, полагая, что толкование по духу закона исключает его точность⁶. Во-вторых, при систематической оценке преюдициальности УК РФ неизбежен вывод о том, что временной диапазон «подверженности» приемлем только в случаях его предусмотренности в норме права, как

это и сделал законодатель в примечании к ст. 151.1 УК РФ. Если законодатель не учел этот семантический вариант в других нормах, то, следовательно, он показал, что буквально термин «подвергнутый» имеет иное значение. Все вполне логично.

КС РФ, будучи полностью солидарным с законодателем в вопросе о необходимости наличия в УК РФ норм с административной преюдицией, приводит доводы в обоснование своей позиции, которые, надо признать, отличаются противоречивостью и непоследовательностью, тем более если оценивать доводы КС РФ в системе его позиций по поводу криминализации деяний.

В цитируемом постановлении КС РФ справедливо предлагает делать акцент при квалификации побоев по ст. 116.1 УК РФ на субъекте преступления. Не на деянии, а на субъекте, поскольку административная преюдиция не изменяет характеристику деяния, не усиливает или не уменьшает его выраженность новыми признаками, а свидетельствует только об испорченности злоумышленника: «При квалификации побоев по ст. 116.1 УК РФ правоприменительные органы, прежде всего суды, ориентируются в первую очередь на признаки состава преступления, характеризующие его субъекта как лицо, которое на момент совершения этого деяния было подвергнуто административному наказанию». Такой акцент обусловлен, по мнению КС РФ, тем, что особая испорченность личности деятеля делает деяние более опасным, характеризующим криминализационные потенции поведения как преступного деяния: «Повторное совершение аналогичных или однородных административных правонарушений объективно свидетельствует как о недостаточности примененных средств для результативного противодействия возбраняемому поведению, так и о повышенной общественной опасности содеянного, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий». В этом предложении КС РФ соединил в рамках одного фактора оценку личностных свойств посягателя, который характеризуется весьма мозаично в пределах от привычного преступника до преступника по страсти в классификации

⁶ См., например: Beccaria, C. Des delits et des peines / ed. by F. Helie. Paris: Guillaumin, 1856. P. 21–22.

Ферри, указав на неэффективность административного наказания в отношении лица, которому, в силу склада его характера, вряд ли помогут меры принуждения и поводы или основания криминализации, посчитав, что неэффективность мер принуждения, свидетельствующая о криминальных потенциях индивида, является одним из таких поводов. Сравнивая послылки КС РФ по поводу недостаточности для субъекта административного наказания с типологией преступников Энрико Ферри, т.е. предлагая рассматривать такую послылку в плане исключительно личностных свойств субъекта правонарушения, я опирался, кроме прочего, и на тезис Постановления № 1 в такой редакции: «Повторность указывает на устойчивость поведения виновного, склонность к разрешению конфликтов насильственным способом». Таким образом, оказывается, что КС РФ рассматривает личностные свойства и, в частности, склонности как основание криминализации и одновременно как фактор, повышающий общественную опасность деяния (в чистом виде антропологическая теория права). При этом в качестве референс КС РФ постоянно повторяет тезис о том, что коль скоро административное наказание не привело к желаемому успеху, следует применять наказание уголовное, в связи с чем и оправдана преюдициальность в УК РФ. В итоге рассуждений на эту тему КС РФ приходит к интересному выводу: «Запрещенность деяния уголовным законом — учитывая значимость ценностей, на которые оно посягает, существенность причиняемого вреда — свидетельствует о невозможности преодоления таких посягательств с помощью иных правовых средств». Получается, что сначала КС РФ сетовал на криминальную заряженность личности, которая требует криминализации, а затем оказалось, что факт криминализации свидетельствует о невозможности использования других средств принуждения. Вряд ли следует комментировать подобные противоречия, которые порождены изначально ущербными послылками. Отметим лишь, что безуспешность административного воздействия свидетельствует не о невозможности достижения эффекта упреком такого рода, а о слабости правоприменителя, который не в состоянии выбрать вариант воздействия

на правонарушителя с целью купирования его агрессии.

В статье 6.1.1. КоАП РФ установлена довольно значительная альтернатива наказаний за побои — достаточно большой штраф в диапазоне от пяти до тридцати тысяч рублей, административный арест до пятнадцати суток, обязательные работы. В УК РФ ст. 116.1 устанавливает практически аналогичные наказания, но в случае привлечения к уголовной ответственности для лица наступают и юридически, но главным образом социально неизгладимые последствия в виде судимости. Зачем создавать преступника? Разве нельзя, пользуясь административно правовой альтернативой, выбрать приемлемый вид наказания и предусмотреть повышенную ответственность в случае повторения, как это сделано, например, в ст. 5.27 КоАП РФ? Но если не помогают достаточно суровые (а если недостаточно, то надо их насытить подобающим страхом) административные наказания, то в таком случае разве есть гарантия, что уголовное воздействие даст нужный эффект, учитывая склонности правонарушителя?

Итак, склонность лица к агрессии, по мнению КС РФ, является поводом для криминализации деяния. Ранее, однако, КС РФ предлагал иную позицию в деле криминализации деяний, не связывая опасность преступления с личностными характеристиками преступника, которые должны учитываться только при назначении наказания.

В Постановлении «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко»⁷ (далее — Постановление № 2) КС РФ определил, что «при криминализации деяний следует учитывать типовую оценку их общественной опасности». И далее КС РФ в этом же постановлении дополнил критерии криминализации тремя признаками, которые необходимо учитывать в этом процессе, — распространенностью деяния, статусом охраняемой ценности и причинен-

⁷ Постановление КС РФ от 24 мая 2021 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко» // Российская газета. 2021. 8 июня.

ным вредом: «Законодатель, устанавливая преступность и наказуемость общественно опасных деяний, может в зависимости от существа охраняемых общественных отношений конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространенности, значимость ценностей, на которые они посягают, и характер вреда». Ничего о личностных характеристиках в перечне критериев криминализации в этом постановлении не сказано. И дело, как мне представляется, вовсе не в том, что в Постановлении № 2 КС РФ рассуждал не о преюдициальной норме, а в том, что здесь суд признал в качестве криминализационных критериев те параметры, которые всегда учитывались в криминализационном плане, т.е. типические критерии. Если рассуждать иначе, тогда получится непрезентабельная картина, способная привести к состоянию, которое в светских кругах именуется как пердимонюкль. А именно: суд предлагает свои позиции не в зависимости от объективных необходимостей, а в зависимости от нормативной насыщенности, т.е. в зависимости от конструкции правовой нормы — если есть преюдиция, то ее надо оправдать. Если предложенную мной инвективу подозревать в некорректности, тогда единственным средством достижения единообразия является логическая последовательность суждений.

В Постановлении № 2 совершенно справедливо, на мой взгляд, в качестве критерия криминализации названа типовая оценка общественной опасности деяния. Типическая оценка деяния означает признание таких черт нуждающегося в криминализации явления, которые характеризуются как существенные. В результате оценки индивидуальное своеобразие типологизируемых явлений снимается и заменяется общим критерием или обобщающим признаком, одинаково характерным для подобного рода явлений. В криминализационном плане это означает, что процесс признания деяния преступным должен включать в себя анализ типических свойств явления, что в совокупности с такими поводами, как распространенность, ценностная значимость и вредоносность, может привести в итоге к созданию правовой нормы. Если учитывать склонность к девиации и в принципе негативные характеристики личности субъекта из Постановления № 1

как типическое свойство деяния, нуждающееся в криминализации, тогда, во-первых, законодателя следует упрекнуть в непрофессионализме, поскольку он упустил такие распространенные деяния, урегулированные КоАП РФ, как, например, занятие проституцией (ст. 6.11 КоАП РФ), нарушение запрета курения табака (ст. 6.24 КоАП РФ), мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21 КоАП РФ) и др. На основе критерия личностной характеристики следует включить в ткань УК РФ и такие нормы в преюдициальном варианте, а в итоге подумать о целесообразности наличия КоАП РФ вообще.

Кроме того, как могут быть характерологические свойства личности свойствами преступления, когда преступление понимается исключительно как деяние (ст. 3, 5, 8, 14 УК РФ и др.)? Разве свойства личности увеличивают общественную опасность деяния? Статья 116.1 УК РФ: как бы человек ни характеризовался в психологическом и даже социальном плане, спрашивал ли он у своего визави, молился ли он на ночь, или сразу приступил к побоям, как часто он совершал побои, — все это не изменяет объективных свойств побоев, не характеризует их как что-то «новенькое». Побои так и останутся побоями (если, разумеется, нет квалифицирующих признаков) вне зависимости от частоты их повторения. Невольно вспоминаются строчки Шекспира из трагедии «Ромео и Джульетта»: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет».

А вот личность посягателя, конечно, подлежит оценке, но только в плане наказания или оказания медицинских услуг. Криминализация тут ни при чем. Если же следовать обоснованиям законодателя и КС РФ, которые оправдывают административную преюдицию в УК РФ, тогда необходимо согласиться с тем, что российский демиург создает кодекс опасного состояния как кодекс практического действия, по поводу которого Г.А. Ван-Гамель писал: «Вместо теоретического уголовного права мы должны создать уголовное право практическое. В этом состоит наша работа, это наша цель. Три понятия страшно мешают нам в этом. А именно «вменяемость», «наказание» и «преступление». Когда мы наконец от них освободимся, тогда

все пойдет лучше»⁸. Видный представитель новой социальной защиты Марк Ансель категорически утверждал: «Социальная защита рассматривает, таким образом, преступление как человеческий поступок или, точнее, выражение личности его исполнителя...»⁹ Отсюда делался вывод о наличии опасного состояния личности, которое нуждается в купировании в том числе и методами уголовной юстиции: «Проблема состоит в том, чтобы примирить принцип законности с предельными мерами»¹⁰. Стоит вспомнить, что последователи юридического закрепления опасного состояния в УК РФ столь пламенно и настойчиво продвигали свои идеи криминализации опасного состояния, что предложили криминализовать «специальный «рецидив» неосторожных преступлений». Обоснование следующее: «Необходимость таких мер обусловлена тем, что лицо, проигнорировав однажды общепринятые в той или иной сфере жизнедеятельности человека правила поведения и понеся за это наказание, вновь неосмотрительно относится к правилам неосторожности»¹¹. Вот, собственно говоря, это и есть онтология обоснования

необходимости включения в ткань УК РФ посредством криминализации опасного состояния личности. Воздействие, оказанное на субъекта ранее, не дало позитивных результатов, вследствие чего можно говорить о его испорченности, которая должна быть криминализована и таким образом представлена как учет в законе криминального дрейфа. Но разве от этого повышается степень общественной опасности деяния?

Система противоправных актов, их неоднократность и т.п. не претендуют на роль определителя ценностного объекта или особой характеристики посягательства. Посягательство и объект остаются прежними. Повторный акт поведения не привносит никаких новшеств в характеристику общественной опасности деяния. Повторяется только поведенческий акт, а степень общественной опасности деяния остается прежней. В этой связи следует считать некорректной позицию законодателя, создающего при помощи административной преюдиции кодекс опасного состояния и заменяющего в преступлении характеристику деяния (поведения) характеристикой деятеля (склонностями). Наш российский законодатель, создавая преюдициальные нормы, предлагает воспринимать антропологический фактор преступности как основополагающий, хотя на сей счет критика (по крайней мере, с XIX в.) давно и непредвзято постановила считать, что антропологический фактор должен учитываться главным образом в процессе назначения наказания, а преступление не может характеризоваться только личностными характеристиками правонарушителя.

⁸ Цит. по: Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права // Новые идеи в правоведении. Сборник первый: цели наказания. СПб., 1914. С. 89–90.

⁹ Ансель М. Новая социальная защита. М.: Прогресс, 1970. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 1 / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 42.

Литература

1. Ансель М. Новая социальная защита : Гуманистическое движение в уголовной политике / М. Ансель ; перевод с французского Н.С. Лапшиной ; под редакцией и с вступительной статьей А.А. Пионтковского. Москва : Прогресс, 1970. 311 с.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. Москва, 1975. С. 457.
3. Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права / В.Б. Станкевич // Новые идеи в правоведении / под редакцией Л.И. Петражицкого, при ближайшем участии Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского [и др.]. Сб. 1. Цели наказания / составитель Н.И. Люблинский. Санкт-Петербург : Образование, 1914. С. 89–90.
4. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 томах / под редакцией Н.А. Лопашенко. Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступления. Кн. 1. Множественность преступлений. Москва : Юрлитинформ, 2016. 526 с.

References

1. Beccaria, C. Des delits et des peines / C. Beccaria ; ed. by F. Helie. Paris : Guillaumin, 1856. 342 p.

Следственная деятельность — важный элемент в государственном механизме противодействия преступности

Пономарев Николай Сергеевич,
полковник милиции в отставке, заслуженный работник
Министерства внутренних дел Российской Федерации
6294834@mail.ru

Статья представляет собой рецензию на монографию «Следственная деятельность» в 3 книгах (М. : Юрлитинформ, 2021. Книга I. Anchetator. — 232 с.; Книга II. Quo vadis? — 224 с.; Книга III. Plea Bargaining. — 264 с.), подготовленную коллективом авторов под ред. Н.А. Колоколова.

Ключевые слова: следственная деятельность, органы предварительного расследования, следственный аппарат, следственная гвардия, следователь, руководитель следственного органа.

Интерес исследователей к проблеме следственной деятельности, следует полагать, вызван необходимостью поиска рациональных способов повышения эффективности работы современных следователей. Многочисленные реформы следственного аппарата, выступающие в качестве составной части модернизации российского общества последние тридцать лет, не привели к ожидаемым результатам. Монография представляет собой комплексное исследование, которое авторы лишь условно разделили на три книги. Обычно подобного рода издания представляют собой сборники тематических статей; в данном случае перед нами полноценная и завершенная научная работа, характерной чертой которой являются разнообразность и яркость формы изложения. Все составляющие ее разделы и главы объединены ключевой идеей, получившей наименование «следственная деятельность». В первой книге содержится обстоятельный анализ назначения следственной деятельности как особой формы или разновидности государственной деятельности, статуса и социальной роли следователя в жизни общества. Вторая книга посвящена проблемам совершенствования следственной деятельности в условиях постсоветской трансформации России. Третья — с интригующим названием Plea Bargaining — основное внимание уделяет институту сделки со следствием.

Рецензируемое научное исследование заставляет по-новому взглянуть и оценить многие известные факты, побуждает к поиску новых идей совершенствования следственного аппарата, вызванных потребностями практики. Первое несомненное преимущество данной работы заключается в идейном богатстве, большом разнообразии мнений, сопровождающих каждый раздел, каждую главу. Второе — и самое главное — достоинство монографии состоит в том, что читатель на подсознательном уровне начинает задумываться над состоянием современного предварительного следствия, вместе с авторами размышлять над причинами негативных тенденций, сложившихся в столь чувствительной сфере государственной деятельности, и ставить вопросы о путях их преодоления. Тем более что стиль изложения монографии, сочетающий в себе научный подход с яркой подачей материала, настраивает читателя на дискуссии с профессиональным собеседником.

По глубокому убеждению авторов, следственная деятельность — это особая сфера человеческой деятельности, где сталкиваются противоположные интересы участников юридического конфликта с их страстями и противоречиями, решаются вопросы о виновности граждан в совершении преступления. Правовое государство выдвигает новые, более жесткие требования к уголовному судопроизводству, в том числе к следственной

деятельности, диктует необходимость разработки инновационной модели следственного аппарата. Именно поэтому для создания современной, жизнеспособной системы требуется мобилизация интеллектуального потенциала не только ученых-процессуалистов, но и практиков, непосредственно участвующих или участвовавших в следственной деятельности.

В рецензируемой работе предпринята попытка с учетом опыта судебной реформы постсоветской России по-новому взглянуть на проблемы следственной деятельности, представляющей собой важный элемент в механизме государственной власти по противодействию преступности как деструктивному социальному явлению. Большой объем монографии — три книги — дает возможность авторам сформулировать и рассмотреть широкий спектр вопросов: следственную доктрину, следственное право, следственную практику, следственные правовые позиции, следственное усмотрение и ограничения в уголовно-процессуальной деятельности, а также критерии оценки следственной деятельности. Острота и актуальность столь сложных проблем, естественно, вызывают множество споров среди юристов — ученых и практиков. Их прежде всего волнует вопрос: какая модель следственной системы способна удовлетворить возрастающие потребности современного российского общества по преодолению или, по крайней мере, минимизации социальных противоречий, выступающих в качестве важных детерминант преступности. И коллектив авторов (каждый, разумеется, с разной степенью откровенности) пишет об этом. На основе глубокого анализа теории и практики, используя личный опыт, они весьма убедительно излагают свой взгляд на многочисленные проблемы предварительного следствия.

Большое внимание в монографии уделяется анализу эффективности деятельности следственного аппарата. Рассматривая данную проблему, авторы связывают причину длительной деятельности особо опасных преступников — Чикатило, Михасевича и других маньяков — с просчетами в следственном производстве и несовершенством уголовно-процессуального законодательства. Соглашаясь в принципе с подобной оценкой событий, тем не менее, на наш

взгляд, следует учитывать, что далеко не все зависит от уровня профессиональной подготовки и жизненного опыта следователя. В частности, Чикатило, которому уделяется немало внимания в монографии, действительно задерживался по подозрению в совершении убийств, но следственные органы не смогли доказать его вину. Это общеизвестный факт. Но мало кто знает, что основная причина заключалась в том, что среди значительной части ученых-медиков и прежде всего морфологов (судебно-медицинских экспертов) долгое время доминировало представление о том, что групповые признаки имеются не только в крови, но и в выделениях человеческого организма — слюне и сперме. После задержания Чикатило, обладавшего редким геном секреции, выяснилось при исследовании крови, что у него не обнаружены специфические агглютиногены А и В. Это, естественно, исключало возможность его идентификации по образцу спермы, изъятый у погибших. С нашей точки зрения, выработать универсальные стандарты измерения эффективности деятельности следственного аппарата (кроме как для внутренней оценки) в принципе невозможно, ибо они прямо или косвенно упираются в социальную природу преступности, устойчивый рост которой, может быть, в самой незначительной степени зависит от качества работы следователей. Нельзя всерьез утверждать, что полное и объективное расследование дела позволит сократить число регистрируемых преступлений. Следственная деятельность как разновидность или одна из форм государственной деятельности осуществляется с целью обеспечения законности, правопорядка, защиты прав и интересов личности и в конечном счете сокращения уровня преступности. Государственная деятельность не может оцениваться фрагментарно, по частям, что чревато внутренними противоречиями и нестабильностью в правоохранительной среде.

Во II книге (гл. 3 разд. III) сформулированы принципиально новые, оригинальные идеи. Так, рассуждая об эффективности следствия, Н.А. Колоколов, пожалуй, одним из первых российских ученых развенчал устоявшиеся мифы о неотвратимости наказания, о полноте регистрации преступлений, о полной и своевременной их раскрываемо-

сти. Каждый такой миф — это упрощение реальной действительности и преувеличенное представление о том, что власть якобы способна решить все или почти все социальные задачи. Никита Александрович как ученый и практик прекрасно понимает, что мифы являются глубинной причиной многих негативных явлений в деятельности правоохранительных органов, ибо они искажают их подлинную социальную роль и назначение, ставят перед ними заведомо не выполнимые задачи. Они, мифы, живут долго, но от этого не становятся правдивее. Мифы как царство свободы нередко используются в качестве идеологического обоснования для расправы с неугодными работниками уголовной юстиции.

Ярким примером тому является освобождение Президентом России Б.Н. Ельциным столичных прокурора Г.С. Пономарева и начальника ГУВД Н.В. Куликова от занимаемых должностей в связи с убийством популярного тележурналиста В. Листьева, поскольку они не смогли предотвратить чрезвычайное происшествие. Следует согласиться с позицией автора и полностью отказаться от идеалистического мировоззрения, будто правоохранительные органы и суд способны если и не исключить, то, во всяком случае, не допустить эскалации преступности и насилия, которое, в свою очередь, порождает другие мифы. Понятно, что винить систему уголовной юстиции в отклонении от выдуманных идеалов нелепо, поскольку корни преступности, как известно, кроются в политических, экономических и социальных детерминантах.

Авторы опираются на богатый отечественный опыт становления и развития следственного аппарата. Характеризуя историю его создания и совершенствования, проф. Н.А. Колоколов, в частности, пишет: «В России первым шагом по заимствованию французской модели законодательства было учреждение предварительного расследования. В мае 1860 г. Государственный совет принял закон о судебных следователях, санкционированный императором». Далее он уточняет, что «...с особой тщательностью статус следователя был прописан в Учреждении судебных установлений (УСУ)¹ и Уставе

уголовного судопроизводства (УУС)², получивших высочайшее утверждение 20 ноября 1864 г. <...> Они считались членами окружных судов (ст. 79 УСУ) и в случае необходимости могли включаться в состав суда, рассматривающего конкретное дело по существу (ст. 146 УСУ)». Автор абсолютно прав, подчеркивая важность провозглашения принципов независимости и несменяемости следователей, которые даже при монархической форме правления повышали их статус, укрепляли процессуальную свободу и самостоятельность. Увольнение судебного следователя, назначенного высочайшим указом императора, допускалось только в том случае, если он совершил преступление, и «не иначе как с преданием суду» (ст. 29 УСС). Однако при разработке современной модели следственной деятельности нельзя не учитывать и тот факт, что реформе следствия 1860–1864 годов были свойственны определенные противоречивость и непоследовательность, обусловленные стремлением власти сохранить в неприкосновенности прерогативы самодержца, не допускавшие альтернативные варианты развития государства.

Формирование корпуса следователей, равно как и судей, было отдано на откуп министра юстиции, одновременно имевшего статус генерал-прокурора. Кадровая политика следственного аппарата, нивелировавшая прогрессивные преобразования, была выстроена в соответствии с общими принципами функционирования государства абсолютистского типа. После проведения конкурса все списки кандидатов на должность судебного следователя представлялись министру юстиции и подвергались тщательному отбору на предмет их соответствия многочисленным критериям. И если тот или иной кандидат не соответствовал представлениям министра юстиции о достаточной степени его лояльности к органам прокуратуры, представлявшим обвинительную власть, он просто отвергался. В пределах своих полномочий он мог предложить императору для назначения на вакантную должность лично известных ему двух претендентов, отвечающих вышеуказанным требованиям.

¹ Учреждение судебных установлений. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/>

² Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1964 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

Поэтому нет ничего удивительного в том, что к 1898 г. из 1487 судебных следователей Российской империи только 154, или около 10%, пользовались иммунитетом несменяемости³. Остальные вакансии замещались за счет причисленных к Министерству юстиции чиновников, временно назначенных для исправления должности судебного следователя и наделенных всеми правами и обязанностями следователя. Помимо этого, министр юстиции как генерал-прокурор, замыкавший всю вертикаль обвинительной власти, обладал полномочиями возбуждать дисциплинарное производство в отношении судебного следователя при обнаружении в его действиях нарушений закона (ст. 273, 277 УСУ). Причем перечень дисциплинарных взысканий был достаточно большим: предостережение, замечание, выговор без внесения в послужной список, вычет из жалования, арест до семи суток и понижение в должности (ст. 262 УСУ). Хотя статья 270 Учреждения судебных установлений предоставляла право налагать дисциплинарные взыскания на судебных следователей только старшим председателям соответствующих судебных палат. На практике, однако, последние, как правило, удовлетворяли представления министра. Сюда следует добавить, что прокуратура, на которую закон возлагал функции обвинения, имела достаточно серьезные рычаги воздействия на строптивого следователя. Помимо поддержания законности, надзор, надо полагать, использовался и в качестве способа демонстрации господства.

Формы контроля были весьма разнообразны: право прокурора присутствовать при всех следственных действиях и рассматривать на месте подлинное производство (ст. 280 УУС); обязанность судебного следователя исполнять законные требования прокурора, относящиеся к расследуемому делу (ст. 281 УУС); уведомлять его об основаниях избрания обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, включая право прокурора требовать от следователя ограничиться другой, менее строгой мерой процессуального принуждения (ст. 283 УУС); уведомлять прокурора о причинах, по которым

обвиняемый не взят под стражу или не освобожден из-под нее (ст. 284 УУС); возвращать дела для дополнительного расследования (ст. 286 УУС). С помощью перечисленных инструментов давления культивировались такие качества следователя, как конформизм и толерантность, насаждалась психология угодничества и лести.

Значительная часть монографии посвящена досудебному производству. Автор раздела Б.Я. Гаврилов вполне традиционно, но со знанием дела, цифрами и фактами обосновывает собственную точку зрения по данному вопросу. Солидаризируясь с мнением Б.Я. Гаврилова о необходимости исключить из уголовного процесса стадию возбуждения уголовного дела, вместе с тем следует отметить, что такое решение, помимо сокращения трудозатрат, будет способствовать укреплению законности в деятельности правоохранительных органов. Уйдет в небытие порочная практика укрывательства преступлений и необоснованных, незаконных отказов в возбуждении уголовного дела, сломавшая судьбу многих работников правоохранительных органов. Они стали заложниками существующей системы и, принимая подобные решения, пытались приукрасить реальное положение дел в стране, хотя, конечно, каждый действовал на «своем», отдельно взятом участке. Более того, такое решение позволит существенно снизить уровень вовлеченности граждан в уголовный процесс; отпадет необходимость многократно вызывать свидетелей и потерпевших вначале в органы дознания, затем к следователю и, наконец, в суд. Недаром в народе родилась ироническая поговорка: «Много будешь знать — затаскают по судам».

По нашему мнению, полное разрушение сложившейся конструкции, если не будут приняты необходимые компенсирующие меры, может привести к возрождению внесудебных репрессий. Известно, что современное досудебное производство сформировалось во второй половине XX в. как реакция на беззаконие и внесудебные расправы, имевшие место в нашей стране в 1930–1950-е годы. В основу концепции была положена новая идея предварительного следствия, способного преодолеть грубые извращения законности и защитить граждан

³ Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части: история, практика. Петроград : Гос. тип., 1916. С. 104–106.

от необоснованных репрессий. В этих целях Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР⁴ был сегментирован, а лица, вовлеченные в уголовный процесс, разделены на четыре категории, позволявшие создать многоуровневую систему защиты прав граждан.

Появились подозреваемые, которыми признавались лица, задержанные по подозрению в совершении преступления или подвергнутые мере пресечения до предъявления обвинения; обвиняемые, т.е. лица, в отношении которых вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого. В свою очередь обвиняемый, преданный суду, именовался подсудимым, а если в отношении обвиняемого был вынесен обвинительный приговор — осужденным. Сам факт вынесения постановления о возбуждении уголовного дела запускал механизм производства разнообразных следственных действий (допрос свидетелей, потерпевших, очные ставки, предъявление для опознания, производство судебной экспертизы и т.д.), дающий возможность собирать и оценивать доказательства. Фактические данные, полученные до возбуждения уголовного дела, не могли служить источником доказательств, признавались недопустимыми и недостоверными. С момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого в уголовный процесс допускался защитник, вступал в силу принцип состязательности обвинения и защиты, что усиливало гарантии прав и законных интересов обвиняемого.

Значительное место в монографии уделено вопросам самостоятельности и взаимодействия следователя с органами дознания (автор I раздела II книги Зотов А.Ю.). Бесспорно, самостоятельность следователя — весьма важное и необходимое условие качественной и эффективной реализации его процессуальных полномочий. Весь вопрос упирается в пределы и характер самостоятельности. Абсолютная независимость и самостоятельность следователя вовсе не являются гарантией качественного расследования уголовных дел и высокой эффективности следственной деятельности. Пробле-

мы взаимодействия следователя и органов дознания — давняя и избитая тема. Во многих случаях работники следственных и оперативных подразделений исходят из односторонних и упрощенных представлений о своем доминирующем положении в системе правоохранительных органов, рассчитывая на обслуживание их интересов представителями других служб и подразделений.

Разумеется, следователи нуждаются в повседневной организационной и технической поддержке со стороны других служб в решении многочисленных вопросов: приглашение свидетелей и статистов для выполнения следственных действий, выемка документов и предметов (история болезни, амбулаторная карта, справки из медицинских учреждений о характере и локализации телесных повреждений, а также из психоневрологических и наркологических диспансеров о наличии или отсутствии соответствующих заболеваний, доставка материалов и объектов исследования на экспертизу, истребование различного рода справок и характеристик по месту жительства и работы и т.д.).

Но надо понимать, что, несмотря на объединение под одной «крышей» различных структурных подразделений, например в системе органов внутренних дел, каждое из них выполняет свои, присущие только ему функции. И каждое подразделение имеет свои, отличные от других служб, критерии оценки деятельности. Видимо, следует перенять дореволюционный опыт организации работы следственного аппарата, когда одновременно со следственным приставом в штат полиции вводился письмоводитель, т.е. делопроизводитель⁵.

Книга 3 практически полностью посвящена вопросам сделки со следствием. Заимствованный на Западе институт вызывает неоднозначную реакцию у ученых-процессуалистов и практиков. Не вдаваясь в детальное обсуждение данного вопроса, полагаем целесообразным отметить, что в том виде, в каком этот институт реализован в российском законо-

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Указ Александра I «Об определении Санкт-Петербургскому Обер-полицмейстеру Следственных приставов и при них письмоводителей...» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 30. № 23.258.

дательстве (при несомненном его положительном значении для практики), он содержит риски возрождения (пусть в искаженной форме) теории формальных доказательств. В самом деле, обвиняемый, заключивший сделку со следствием, всегда рассчитывает на снисхождение: по закону (ч. 3 и 4 ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶) ему не может быть назначено более половины самого строгого наказания. А в случае, если соответствующая статья предусматривает пожизненное лишение свободы или смертную казнь, то эти виды наказания не применяются. Но при этом об-

щий срок назначенного наказания не может превышать двух третей максимального срока. Указанные положения закона, думается, являются серьезными факторами, способствующими оговорам, особенно, если вина оговаривающего, кроме его личного признания, доказана другими материалами дела. При этом оговор, совершенный под воздействием соглашения с прокурором, как свидетельствует практика, является своеобразной царицей доказательств вины другого участника преступления,

В целом монография, несмотря на некоторые замечания, не умаляющие ее достоинства, а, скорее, являющиеся предметом дискуссии, представляет собой знаковое событие в уголовно-процессуальной науке.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части: история и практика / Б.Л. Бразоль. Петроград : Государственная типография, 1916. 215 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 30. № 23.258.
3. Следственная деятельность. В 3 книгах. Кн. 1. Anchetator : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 232 с.
4. Следственная деятельность. В 3 книгах. Кн. II. Quo vadis? : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 224 с.
5. Следственная деятельность. В 3 книгах. Кн. III. Plea Bargaining : монография / под редакцией Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2021. 264 с.

Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект «Российский следователь с приложением» на 2021 год

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Российский следователь с приложением». В комплект входят следующие издания:

- Вопросы ювенальной юстиции;
- Международное уголовное право и международная юстиция;
- Наркоконтроль;
- Российский следователь;
- Уголовное судопроизводство;
- Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление;
- Эксперт-криминалист.

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

Criminal Judicial Proceeding

No. 3/2021

SCIENTIFIC-PRACTICAL
INFORMATION PUBLICATION

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH
THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. Reg. PI № FC77-29334 of August 24, 2007.
Published quarterly since 2005.

*Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publications
of basic results of PhD and doctor theses.*

Founder: Jurist Publishing Group

Chairman of the Editorial Board:
Kolokolov N.A., LL.D., Professor

Editorial Board:

Azarov V.A., LL.D., Professor,
Aleksandrov A.I., LL.D., Professor,
Voskobitova L.A., LL.D., Professor,
Gir'ko S.I., LL.D., Professor,
Golovko L.V., LL.D., Professor,
Gurov A.I., LL.D., Professor,
Kaplina O.V., LL.D., Professor (Ukraine),
Kovtun N.N., LL.D., Professor,
Lazareva V.A., LL.D., Professor,
Moskal'kova T.N., LL.D., Doctor of Philosophy, Professor,
Osmanov T.S., PhD (Law),
Polyakov M.P., LL.D., Professor,
Popov I.A., LL.D., Professor,
Sal'nikov V.P., LL.D., Professor,
Surkov K.V., LL.D.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:
Grib V.V., LL.D., Professor, Corresponding Member
of the RAE, Honored Lawyer of the RF

**Deputy Editors in Chief
of Jurist Publishing Group:**

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific Editing and Proof-Reading:
Shvechkova O.A., PhD (Law)

Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.
Tel./fax: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Address publishers / editors:
Bldg. 7 26/55 Kosmodamianskaya Emb.,
115035, Moscow

Editorial Subscription Centre:
(495) 617-18-88 — multichannel

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel. (4842) 70-03-37
Size 170x252. Offset printing.
Printer's sheet 3,0.
Conventional printing sheet 3,0.
Circulation 3000 copies.
ISSN 2072-4411.
Free market price.

Subscription in Russia:
Unified catalogue.
Russian press — 88528

Passed for printing: 06.09.2021.
Issue was published: 16.09.2021.

CONTENTS:

PAGES OF THE CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

N.A. Kolokolov. Criminal Procedure Law:
The Phenomenon Everyone Interprets Differently... 2

THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CRITICAL CONSIDERATIONS

N.V. Ilyutchenko. On the Real Potential
of the Criminal Procedure Code of the Russian
Federation..... 17

CRIMINAL PROCEDURE THEORY

N.N. Kovtun. The Latent Deconstruction
of the "Testimony" Category in Russian
Criminal Proceedings 22

INVESTIGATION OF BANKRUPTCIES

Yu.G. Kleschenko. On the Investigation
of Crimes Involving Illegal Actions in Case
of Bankruptcy (Art. 195 to 197 of the Criminal
Code of the Russian Federation) 28

INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW

N.G. Ivanov. Prejudice in the Criminal Code
of the Russian Federation in View of the Positions
of the Constitutional Court of the Russian Federation
(on the Example of Art. 116.1 of the Criminal
Code of the Russian Federation) 34

OUR REVIEWS

N.S. Ponomarev. Investigative Activity is an
Important Element in the State Crime Combating
Mechanism 40

Complete or partial reproduction of materials without written
permission of authors of the articles or the editorial office shall
be prosecuted in accordance with law.
The Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.
Authors shall not pay for publication of their articles.

Criminal Procedure Law: The Phenomenon Everyone Interprets Differently

Nikita A. Kolokolov

**Head of the Department of Organization of Judicial
and Prosecutor's and Investigative Activities
of the Griboyedov Institute of International Law and Economics
LL.D.**

The 20th anniversary of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is approaching. Using this event as a ground, we believe it possible to issue a series of articles to share with the reader some of our considerations about such categories as "power", "state", "law", "criminal procedural law", "judicial proceedings", "justice", "criminal procedure act". The first article examines the categories of "state" and "law", attempts at defining the "criminal procedural law" concept, contains a critical interpretation of the views on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to commemorate the fifth anniversary of the Code.

Keywords: the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, power, state, law, criminal procedural law, judicial proceedings, justice.

On the Real Potential of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation

Natalia V. Ilyutchenko

**Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Justice
and Prosecutor's Supervision of the Law Faculty
of the Lomonosov Moscow State University (MSU)
PhD (Law), Associate Professor**

The paper considers perspectives for the development of the legislation in criminal procedures, significance of criminal procedure's law projects is emphasized. It is shown that the code of Criminal Procedure in RF was and remains the target for criticism. Potentialities for modernizing of the code applying the achievements of quantum physics are evaluated. The author emphasizes the necessity of the balanced approach to a mechanical transfer of quantum physics' principles on criminal and criminal procedure legislation, and also to numerous suggestions on modernizing the code of Criminal Procedure of RF. Such modernization should not be delusive and should rely on real potentialities of the code.

Keywords: resources of the criminal procedure law, criminal procedure law, legislation techniques, criminal procedure, the code of criminal procedure, criminal code, scientific expertise.

The Latent Deconstruction of the "Testimony" Category in Russian Criminal Proceedings

Nikolay N. Kovtun

**Professor of the Department of Criminal Procedure
of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Professor**

Based on the analysis of acts of constitutional justice and the latest regulatory innovations, the author discusses the growing tendencies towards the actual deconstruction of the concept and essence of the category of "testimony" as an act of strictly procedural, objectified as evidence exclusively through the inviolability of the established procedural form.

Keywords: testimony, evidence, interrogation, criminal procedure form, norms and legal positions.

On the Investigation of Crimes Involving Illegal Actions in Case of Bankruptcy (Art. 195 to 197 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Yury G. Kleschenko

Leading Specialist of the Western Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
PhD (Economics)

In the article, the author revealed the main signs of criminal bankruptcy. The article substantiates that in order to prove the criminal bankruptcy of this enterprise, the immediate collection of primary material and its meticulous processing are of paramount importance. In the article, the author discusses the basis for initiating a criminal case, specific types of examinations necessary to collect evidence in the investigation of criminal bankruptcy. The author of the article analyzed law enforcement experience, and also proposed recommendations for investigating crimes related to unlawful actions in bankruptcy.

Keywords: unlawful actions in bankruptcy, criminal bankruptcy, disclosure and investigation of unlawful actions in bankruptcy, signs of criminal bankruptcy.

Prejudice in the Criminal Code of the Russian Federation in View of the Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (on the Example of Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)

Nikita G. Ivanov

Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Honored Lawyer of the Russian Federation
LL.D., Professor

The article considers the approaches of the Constitutional Court to the issue of criminalization of acts taking into account administrative prediminies. The inconsistency and contradiction of the Constitutional Court's positions on the reasons for criminalization proposed in various decisions of the highest judicial body of constitutional control in Russia, as well as the incorrectness of the court's conclusions regarding the possibility of criminalizing the mental characteristics of the individual, are shown. As a result of the reasoning, the conclusion is made about the administrative predetermination in the Criminal Code as the basis for the creation of a code of dangerous state.

Keywords: constitutional court, pre-legality, mental status of the person, prevalence of the act, public value.

Investigative Activity is an Important Element in the State Crime Combating Mechanism

Nikolay S. Ponomarev

Retired Police Colonel, Honored Worker
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article is a review of the Investigative Activities monograph in three books. Moscow : Yurlitinform, 2021. Book I. Anchetator. — 232 p.; Book II. Quo vadis? — 224 p.; Book III. Plea Bargaining. — 264 p., prepared by a group of authors, edited by N.A. Kolokolov.

Keywords: investigative activities, pre-trial investigation authorities, investigative branch, investigative guard, investigator, head of an investigation authority.